

IV.

Васильевъ день. — Крещенскій праздникъ. — Масляница. — Великій четвергъ. — Семикъ. — Широкія и узкія субботы. — Первый громъ. — Петровъ день. — Марія Голландуха. — Праздникъ Флора и Лавра (скотъяго бога; обряды жертвоприношений; хожденіе въ воду; лошади на гоньба). — Частные деревенскіе праздники. — Ярмарки. — Воровство; конокрадство. — Рождественскіе святки и игры на нихъ. — Посидѣнки или супрядки. — Зимнія помочи.

Пермякъ веселится по поводу церковныхъ празднествъ, а равно и тогда, когда онъ веселится самостоительно, потому что желаєтъ повеселиться. Вообще праздничныхъ дней у пермяковъ достаточно. Общий ихъ типъ почти одинъ и тотъ же. Сначала бываетъ богоомолье, хотя распитіе бражки и кумышки до молебна не только не воспрещается, но даже считается до некоторой степени болтонностью, такъ какъ доступно только тѣмъ, кто въ состояніи, напившись до молебна, принять поповъ и всю уйму народа, что придется въ избу слѣдомъ за ними и не оставить этой избы до тѣхъ поръ, пока темная ночь не принудить и самыхъ выносливыхъ вспомнить о снѣ.

Первое января, какъ первый день нового года, почти неизвѣстенъ пермякамъ, а чтится ими и называется Васильевымъ днемъ. Празднованіе этого дня начинается съ утра. Какъ только все въ домѣ поднялись, домохозяинъ приглашаетъ семью помолиться. Вся семья, включая и работяковъ, становится у образовъ и втеченіе времени отъ четверти часа до получаса усердно молится, причемъ тѣ, кто не знаютъ никакихъ молитвъ, только и дѣлаютъ, что твердятъ съ глубокими вздохами: «Осподи Суе, Осподи Суе». По окончаніи молитвы хозяинъ направляется къ печкѣ, где заботливой рукой хозяйки еще съ вечера приготовлена теплая бражка. Вышивъ кружку браги, хозяинъ наливаетъ другую и подносить ее старѣйшему члену семьи, затѣмъ слѣдующему, пока не персбереть всѣхъ. Тоже самое продѣлываютъ въ слѣдъ за хозяиномъ, по старшинству, и другие члены семьи. Повторяю, празднованіе начинается рано, чаще еще до свѣту, съ такимъ разсчетомъ, чтобы питье браги у себя въ домѣ было закончено до разсвѣта, такъ какъ съ первыми лучами солнца мужчины уже направляются въ гости къ соседямъ, где и продолжаютъ пить брагу до тѣхъ поръ, пока не слянутъ. Въ состояніи охмѣлѣнія пермяки становятся крайне буйными и раздражительными; пустить въ это время въ ходъ ножъ, топоръ и, въ особенности, свое любимое национальное оружіе «стяжекъ» (обломокъ жерди) или просто палку — ничего не стоить. Рѣдкій праздникъ обходится безъ крупныхъ дракъ; что же касается мелкихъ скоръ, то таковыхъ на праздникахъ положительно обязательны. Женщины ведутъ

себя нѣсколько сдержанѣе. Онъ начинаютъ ходьбу по гостямъ только съ по-
лудня, хотя къ вечеру и онъ становится въ большинствѣ случаевъ пьяными.
Въ первый день праздника (всѣ праздники продолжаются по нѣсколько дней)
приготавливается часамъ къ 8—9 утра завтракъ, а къ 12—1 для обѣдъ или
полдникъ. Часамъ къ 8 вечера приготавливается паужинъ, а затѣмъ всѣ ложатся
спать, чтобы на завтра проснуться снова часа въ два утра и приняться за
бражку. На второй и послѣдующіе дни столовъ, т. е. угощенія гостями для
постороннихъ не дѣлается. Въ ночь на Васильевъ вечеръ дѣвушки пермяки
бѣгаютъ за улицу погадать о своей судьбѣ, о грядущемъ счастьи и не-
счастьи. Обряды гаданья обще-русскіе и поэтому описывать ихъ излишне.

Въ Крещеніе кой-кто и теперь, несмотря на зимнюю стужу, разъ
только онъ ряжался (маскировался), купается въ проруби и тѣмъ очи-
щаетъ себя отъ грѣха. Рядомъ за толпой молящихся помѣщаются лошади,
которымъ такъ же, какъ и людямъ, дается крещенская вода — лучшее средство
отъ всякаго рода болѣзней. Попоивъ лошадей, пермяки гоняютъ ихъ, чтобы
вся вода вошла въ нутро лошади и, такъ обр., на животное оказала бы
наибольшее влияніе.

Послѣ Крещенія вплоть до масляницы у пермяковъ нѣть особенно чѣмъ
дней; зато масляница «празднуется» всѣми, и каждый, у кого только есть хоть
какая-либо физическая возможность, не преминѣтъ возвратиться домой къ этому
празднику, хотя бы работалъ на выгодной работе и за нѣсколько сотъ верстъ.
Во все время масляницы пекутся рыбные пироги, готовятся различныхъ постри-
пушки и всѣ семейства ходить съ ранняго утра и до позднаго вечера полу-
пьяными. Никакихъ работъ въ эти дни нѣть. Всѣ кутятъ, кто только можетъ
и какъ кто можетъ. Любовебильные отцы и матери пойти даже дѣтей, не
исключая и грудныхъ, теплою бражкой. Нѣкоторые затѣйники устраиваютъ
масляничный поѣздъ. Устройство его нехитро: въ маленькия дровни, на
которыхъ брошены ворохъ соломы, запрягаются одна или двѣ лошади; на дровни
садится масляница (одѣтый въ шубу на выворотъ и въ женское платье
мужикъ, у плеча его метла). Лошади обильно изукрашены соломой. Если изъ
одной изъ лошадей посаженъ, также съ вывороченной на изнанку шубой,
мальчуганъ, то и у него на спинѣ и на головѣ болтаются пучки соломы. Для
ребятъ и дѣвицъ въ каждой деревушкѣ, какъ бы она ни была мала, устраи-
вается горка «скатушка». Официально празднованіе масляницы кончается въ
воскресеніе, хотя первый день великаго поста у пермяковъ составляетъ про-
долженіе масляной, но при постномъ столѣ; только со вторника, а иные и со
среды кончаютъ гулябу. Можно положительно сказать, что масляница — самый
разорительный для пермяковъ праздникъ и на немъ пропивается все, что у
кого привалено или осталось отъ зимнихъ стороннихъ заработковъ.

Слѣдующимъ за масляницей праздникомъ является Великій четвергъ. Праздникъ этотъ отличается иѣкоторыми особенностями. Всегда рано встающе пермяки, въ этотъ день стараются встать возможно раньше. Они вѣрятъ, что все вышеописанное только тогда исполнится, когда будетъ выполнено до восхода солнца. Проснувшійся пермякъ, вставъ на ноги, тотчасъ же хватается за ружье, разъ онъ охотникъ, и бѣжитъ съ нимъ въ поле, стараясь вернуться не съ пустыми руками, а хотя бы съ застрѣленной вороной или воробьемъ. Рыбакъ бѣжитъ къ рѣчкѣ, сталкивается тамъ на снѣгъ свою лодку, кладеть въ нее свои рыболовныя снасти и, взявъ въ руки весла, дѣлаетъ видъ, что плыветь. Плотникъ идетъ въ лѣсъ и вырубаетъ тамъ хотя бы лычинку. Разумѣется, всякому пріятно принести что-нибудь домой, т. е. птицу, рыбу и т. п., но иногда это не удается, тогда возвращающійся дѣлаетъ видъ, что путешествіе его было вполнѣ удачно, что ему что-то попало и онъ несетъ добычу. Каждый пермякъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, старается приберечь къ этому дню сколько, нибудь мѣдяковъ и, считая ихъ, говорить: «разъ!.. два!.. три!.. у-у, какъ много!» Ни одна пермянка не оставитъ въ этотъ знаменательный день пустою свою печь; каждая изъ нихъ старается изо всѣхъ силъ поставить въ нее какъ можно больше кушаний; ставить по нѣсколько корчагъ съ пивомъ, брагой и проч. Какъ только женщина проснулась, она тотчасъ же накрываетъ столъ скатертью и ставить на него хлѣбъ, соль и кувшинъ браги. Боже упаси, не накрыть стола—весь годъ придется жить въ проголодь. Накрывъ столъ, женщина открываетъ дымное окошко (отверстіе въ стѣнѣ для выпуска дыма при толкѣ печи въ курныхъ избахъ) и въ него кличетъ соображенными ключами скотъ и другую живность до птицъ включительно. Тамъ, где устроены настоящія печи, то же самое хозяйка кричитъ въ печную трубу. Благодаря такимъ мѣрамъ, пермякъ увѣренъ, что и скотъ, и птица втеченіе всего года будутъ находиться и въ щѣлости, и въ сохранности. Спѣшно управлявшись по хозяйству, пермянки садятся за шитье или пряжу, причемъ всѣми силами стараются сработать какъ можно больше до соляцевосхода. Мужчины кромѣ всего выше сказанного осматриваютъ амбары и другія мѣста складовъ хлѣба. Дома пермяковъ къ этому дню слегка прибираются и на полѣ избы накладываются вѣти можжевельника. Вечеромъ, наканунѣ праздника, девушки поютъ пѣсни, не имѣющія, впрочемъ, никакого отношенія къ тѣмъ особымъ обычаямъ, что сопровождаютъ этотъ праздникъ. Вакханалия, пѣсни, плясъ и глубокая вѣра пермяковъ въ чертовщину особенно становятся дикими, когда принимаешь во вниманіе благоговѣйный трепетъ истинныхъ христіанъ, ожидающихъ наступленія Страстей Господнихъ.

Не меньшимъ уваженіемъ и приготовленіями къ встрѣчѣ сопровождается и «семикъ». Ровно черезъ семь недѣль послѣ Великаго четверга въ четвергъ же

начинается празднование семика. Въ этотъ день, только разъ за вѣсъ годъ, души всѣхъ умершихъ, по вѣрованію пермяковъ, получаютъ отъ Господа однодневный отпускъ на землю, гдѣ и присутствуютъ при трапезѣ своихъ родственниковъ, которая совершаются послѣдними въ домахъ и на могилахъ. Трапезуютъ веселыми и нарядными, чтобы не обезшокойть душу, а то она можетъ еще, замѣтивъ какіе-нибудь безпорядки, разсердиться, наслать какую-нибудь болѣзнь и тогда предстоять, кромѣ боли физической, еще и материальные расходы: надо будетъ вязать червѣшванъ и справить экстраординарныя поминки. Души покойниковъ не только присутствуютъ при трапезѣ своихъ живыхъ родственниковъ, но пьютъ и ъдятъ. Къ празднованію семика начинаютъ готовиться заблаговременно. Такъ, уже за недѣлю ловятъ рыбу, колютъ барановъ и разную домашнюю птицу. Всю домашнюю посуду тащатъ мыть какъ можно чище на ближайшую рѣчку, чтобы въ самый семикъ покойники не осудили женщинъ за нечистоплотность. За недѣлю же начинается и кумышко-и-пивовареніе, а передъ семикомъ изготавляется въ изобиліи теплая бражка. Въ самыи семикъ бабамъ не до сна: имъ въ этотъ день предстоитъ слишкомъ много работы, поэтому почти не встрѣтишь такой избы, гдѣ бы уже съ полуночи не топилась печь. Съ этого ранняго времени уже стряшаются пельмени, тупоськи (колобки, приготовляемые изъ творожнаго сыра или изъ ячной муки), оладьи, блины, шаньги, рыбныя селянки и рыбные пироги, жарятся бараны, куры и иная птица, красятся, по пасхальному, яйца. Только что покончивъ со стряпней, хозяики все изготовленное ставятъ на столъ, а передъ иконой затепливаютъ восковую свѣчку и вся семья молится Богу. Затѣмъ, домохозяинъ приказываетъ отодвинуть столъ отъ лавки и поставить еще лавку по другую сторону стола. Скамья эта ставится не очень близко отъ стола для того, чтобы усопшимъ можно было совершенно свободно помѣститься у стола со всѣмъ ихъ скарбомъ, иногда очень многочисленнымъ. Скарбъ этотъ заключается у покойниковъ въ тѣхъ вещахъ, которыя они покрали на этомъ свѣтѣ, будучи живыми: съ этими крадеными вещами покойникамъ суждено носиться вѣчно. Когда все, что приказываетъ хозяинъ, сдѣлано, хозяинъ и хозяйка обираются къ столу, низко кланяются и говорятъ: «вошли» (кушайте). Простоявъ не менѣе получаса у стола, дымящагося кушапьями, которая, къ тому же заранѣе надломлены для болѣе свободнаго выхода пара, служащаго, какъ уже было говорено, единственной пищей мертвыхъ душъ, — за тотъ же столъ садятся и всѣ живые. Основательно закусивъ обильной стряпней, вся семья отправляется въ церковь, а оттуда на кладбище, захвативъ съ собой и на кладбище разной стряпни, пива, браги и водки. Причёмъ, чтобы кушанья можно было достести горячими, ихъ тщательно завертываютъ теплыми тряпками и одеждой. Пришедшие накрываютъ могилу скатертью

и, ломая широги пополамъ, разбивая и расколупывая яйца, ставить все на скатерть, равно какъ и напитки, послѣ чего женщины начинаютъ свои притчанія. Притчатаютъ женщины каждая на свой ладъ, причемъ жалуются умершимъ на тѣ горя и обиды, что имъ, по ихъ мнѣнію, приходится переносить отъ свекра, мужа, мачихи, снохи или братьевъ и т. д. Притчанія произносятся зачастую въ присутствіи противной стороны и, по возвращенію притчавшихъ домой, служить порою поводомъ къ дальнѣйшимъ ссорамъ. Вотъ обращикъ притчанія надъ могилой матери девушки, жалующейся покойнице на свое плохое житье отъ злой мачихи.

Мамъ иней тэ, матушка,
А мыля тэ кувинъ,
Да мёнэ колинъ
Епышвэ на грѣхъ,
Да отерышвэ на смѣхъ.
Сякѣй роботасэ ме кѣра
И быдэнся унаджикъ уджва,
А мачиковысь все мёнэ видэ.
Сусѣдасть ме ветва,
Да гортэ вѣкта,
Сыя и сыпонда мёнэ видэ
И сяко мёнэ шувасъ.
И пондасъ ювасьны:
«Кычэ пэ тэ б...ь вѣвинъ»...
А ачишь куйвэ кылжъ дѣчка-а-а...

Маменька ты, матушка,
А зачѣмъ ты умерла,
Да меня оставила
Богу на грѣхъ,
Да людямъ на смѣхъ.
Всякую работу я дѣлаю
И всѣхъ больше работаю,
А мачиха все меня ругаетъ.
Въ сосѣди я схожу,
Да домой возвращусь,
Опа и за это меня ругаетъ
И всяко меня назоветъ.
И начнетъ спрашивать:
«Куда ты б...ь ходила».
А сама лежить (на постели) какъ
свинья-я-я...

Легко себѣ представить, что будетъ у пермяка дома, если захвораетъ мачиха. Вѣдь въ этомъ случаѣ болѣзнь напущена матерью педовольной, а такъ какъ лѣченіе всякой болѣзни бывать пермяцкую семью по карману, то и неудовольствіе будетъ не единоличное, а всей семьи. Если въ семье все обстоитъ благополучно, то притчаніе сводится къ сожалѣніямъ по поводу того, что известный обрядъ или дѣло за смертью покойного (иницы) приходится сдѣлать уже не ему. Такъ, мать плачетъ падъ сыномъ и говорить, что кормить ее подъ старость, а когда она умреть, то закрыть ея глаза ему не придется. Жена оплакиваетъ мужа въ виду того, что теперь ее и ея малыхъ дѣтушекъ уже не призрѣть ему, мужу, а если ихъ обидятъ, то и не защитить. Окончившее перковную службу духовенство совершаеть въ это время наль могилами усопшихъ, по приглашенію родныхъ, панихиды или литіи. Позади священниковъ идутъ люди, которымъ передается (чаще всего самими

священниками) кое-что изъ разставленного на могилахъ: рыбный пирогъ, селянка, блины и т. п. По уходѣ духовенства, начинается обрядъ настоящаго поминавія, тризна. Какъ мужики, такъ и бабы приглашаютъ и родныхъ, и знакомыхъ помянуть покойныхъ, кто чѣмъ можетъ. Чермякъ вообще никогда не отказывающійся отъ угощенія, въ данномъ случаѣ даже торопится исполнить просьбу приглашающихъ, чтобы тѣ не могли какъ-нибудь увидѣть въ его промедлениі желанія оскорбить память усопшихъ. Каждый пришедшій пробуетъ по немногу всего приготовленнаго, откладывая хоть нѣсколько крошекъ на могилу умершаго и, выливая на нее хоть по капелькѣ изъ питья. Забыть прогодѣть покойника никто не рѣшается, мало ли чего онъ можетъ надѣлать. Если известно кушанье или питье, которымъ покойный (ая) отдавалъ особенное предпочтеніе, то ихъ откладываютъ (выливаютъ) побольше: пусть не жалуется на жадность живыхъ. Когда помянуты всѣ родные и знакомые, свои и сосѣдскіе, поминальщики съ раскраснѣвшимися лицами, подъ шумный говоръ, а иной разъ и подъ звуки разухабистой пѣсни, отправляются по домамъ, где продолжаютъ поминать дорогихъ покойниковъ, вспоминая объ ихъ былыхъ добрыхъ качествахъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока ноги не откажутся служить, а языкъ ворочаться. Не въ рѣдкость и такие случаи, когда чтущий покойника переусердствуетъ еще на кладбищѣ и, забывая свой обычный передъ этимъ мѣстомъ страхъ, преспокойно ложится спать на него, причемъ могила почитаемаго родственника становится изголовьемъ. Насколько пѣсни возвращающихся съ кладбища поминальщиками не сходятся съ только что совершеннымъ обрядомъ, указываютъ записанныя именно при возвращеніи поминальщиковъ съ семика пѣсни, сопровождаемыя пляской и звуками гармоніи, въ родѣ слѣдующей:

Ахъ ты, звирь ли, мой звиречокъ,
Ясной соковочокъ.
Расповадився звиречокъ
За ягодку ричьку;
Што за ягодку за ричьку--
Къ Аинушкѣ сестричкѣ.
Аинушка сестричка
По саду гулява,
Калину ломава.
Я калинушку ломава
Дружка поджидала.
Приходи ко мнѣ звиречокъ
Во времѧ ты въ гости,
Когда батюшка дома пьету,

Матушка въ гостякъ,
Мивы братцы за стрѣльбою,
Мивы сестры за гульбою,
Мои сношки говубушки—
Они за работой.
Только я, мвада мваденька,
Одна остававась,
Со звиркомъ лежала,
На правой ручкѣ держала,
Лѣвой обнимала.
Лѣвой ручкой обнимала,
Къ серчу прижимава.
Я къ сердечку прижимава,
Крѣпко чевовала.

Почти въ томъ же духѣ проводятся и другіе поминальные дни, число которыхъ значительно, хотя, должно замѣтить, празднованіе большинства остальныхъ поминальныхъ дней, сводится лишь къ подачѣ тѣхъ или иныхъ даровъ въ церковь и къ служенію, а у бѣдныхъ—къ поминанію покойныхъ.

Наибольшою популярностью пользуются изъ этихъ скорбныхъ дней широкія субботы: три субботы передъ Дмитріевской, празднуемой въ ближайшую къ 26 октября субботу. Субботы эти называются широкими въ отличие отъ остальныхъ субботъ, въ которыхъ также происходит поминаніе и которыхъ называются узкими. Разница между этими субботами, главн. обр., заключается въ количествѣ поминаемыхъ. Въ узкія субботы поминаются ближайше родственники или недавно скончавшіеся дальние, а въ широкія поминаются рѣшительно всѣ, кто когда-либо состоялъ въ родствѣ и еще не исчезъ изъ памяти поминальщиковъ. Обрядъ поминовенія родни въ Родительскую субботу и иные поминальные празднуемые, вѣрнѣ, чтимые дни происходить у пермяковъ такъ же, какъ и въ широкія субботы.

Вскорѣ послѣ семика пермякамъ приходится считаться съ первымъ громомъ. Это также дѣло не изъ послѣднихъ и требуетъ нѣкотораго знанія. Вообще грома и громовержца Плью—пророка у настѣ въ достаточной степени побаиваются. Хотя самое небо, по вѣрованіямъ пермяковъ, находится въ непосредственномъ владѣніи Бога, такъ, напримѣръ: Онъ небо и запираетъ, и оттыкаетъ, прямымъ слѣдствіемъ чего бываетъ засуха и дождь, но, тѣмъ не менѣе, Плью пророку небо отдано для прогулокъ, отъ чего бываетъ громъ и градъ. Особенно благовѣйно встрѣчается здѣсь первый весенний громъ. Происходить это отъ того, что пермяки боятся, какъ бы ихъ желанія и надежды не разбились объ этотъ громъ. Противъ грома нѣть ни одного заговора или наговора; точно также нѣть ни заговоровъ, ни наговоровъ и противъ вѣтровъ. Громовой заговоръ, какъ видно изъ послѣдующихъ строкъ, совсѣмъ не отъ грома. «Стану я рабъ Божій (имя рекъ) благословесь и перекрестясь. Умываюсь чистою водою, утираюсь и обтираюсь бѣлымъ полотенцемъ выйду я на чистое поле, увидѣль я тучу и морокъ, какъ на небеса поднимаются и Оноки, и Меланіи, святую русскую землю очищають, нечистаго духа и непріятную силу, какъ Илья пророкъ, скорный помощникъ, какъ онъ грянулъ и хрюснулъ, всѣ разсыпались и песокъ разсыпался, какъ зеленая вичка день и ночь дрожитъ, такъ же и отъ меня раба Божія (имя рекъ) всѣ люди боялись бы и дрожали, какъ царь царица пріужаснулись, такъ чтобы и люди пріужасались, и, душа моя у меня, слово мое—громъ, и, я же тутъ хочу заговориться, на всѣ четыре стороны, и Бѣло-каменной стѣной и булатнымъ тыномъ отъ сырой-мати земли до небеси, по шистику и по кристику и по ангеду, сѣкуть и рубятъ, а до меня до раба человѣка не допускаеть, будьте мои словеса крѣпки и лѣпки

тврже камня и остраго булатнаго ножа, полно-полновицю, крутоверховы, противъ слова стой и противъ зuba и тридцать три слова, чтобы были на зубахъ, и каждый часъ и каждую минуту мои словеса, чтобы были вѣсъ полны, что прочитала (аль)». Заговоръ этотъ называется громовымъ потому, во первыхъ, что въ немъ упоминается о громѣ, а во вторыхъ, потому, что онъ начнетъ дѣйствовать, т. е. держать всѣхъ въ страхѣ только съ тѣхъ поръ, какъ будетъ прочтенъ при первомъ вѣсеннемъ громѣ. Если громовой заговоръ исполненъ, а заговорившаго все-таки никто не боится, это значитъ: или первый громъ былъ раньше и заговаривающимъ прощенье, или же, что прежде чѣмъ заговаривающій успѣлъ окончить свой заговоръ, кто-нибудь его уже упредилъ имъ и получилъ себѣ просимое. Только разъ въ годъ, только на одинъ годъ, только одинъ человѣкъ можетъ получить просимое въ громовомъ заговорѣ.

Говоря о громѣ нельзя не сказать нѣсколько словъ о кой-какихъ растерянныхъ громовержцемъ предметахъ, тѣмъ болѣе что часть ихъ находится у пермяковъ. Будучи сами прекрасными наездниками, пермяки и Илью пророка представляютъ себѣ юздающимъ по небу не иначе, какъ на верховой лошадкѣ. По повѣрю пермяковъ, лошадь эта была въ полной верховой упряжкѣ, но (времени точно никто не знаетъ) обронилъ Илья пророкъ сѣдло съ своей лошадки и оно пало въ Архангельской волости, гдѣ и лежитъ до сихъ поръ. Заинтересованный разсказомъ, я осматривалъ сѣдло и нашелъ слѣдующее. На краю села находится небольшая деревянная оградка, внутри ея столбикъ съ иконой, какихъ немало встрѣчается на перекресткахъ дорогъ, и передъ нимъ огромный камень, вѣсомъ приблизительно въ 70 пудовъ. Форма этого камня, дѣйствительно, слегка напоминаетъ собой очертанія грубаго сѣдла. Въ настоящее время я не могу сказать, что представляетъ изъ себя этотъ камень. Вѣроятно, осколокъ метеора. Въ этомъ мнѣнїи утверждаетъ меня то обстоятельство, что въ предѣлахъ Ошибской волости (въ 20 в. по прямому направлению) на одномъ изъ полей находится такой же камень, причемъ народная молва прямо говоритъ, что онъ упалъ съ неба, что подъ нимъ зарытъ очень большой и цѣнныи кладъ. Дѣйствительно, камень этотъ точно такого же строенія, какъ и Архангельскій, только значительно больше послѣдняго.

Свойство молніи бить чаще всего въ хвойный лѣсъ известно пермякамъ, но они увѣрены, что молніей Господь Богъ преслѣдуетъ всегда нечистую силу (діавола), послѣдній же, укрываясь отъ гнѣва Божіяго, естественно, спѣшить укрыться въ лѣстной чашѣ, гдѣ разглядѣть его уже становится дѣломъ хитрымъ. Хотя громъ и убиваетъ людей, но только не дѣвушекъ: «Илья Пророкъ съ земли дѣвокъ не воруетъ». Еслибы отъ громового удара что-либо загорѣлось, то такой пожаръ можно туинуть не водой, а молокомъ и

Въ Петровъ день, а также въ послѣднее воскресеніе передъ Покровомъ Пресвятой Богородицы (1 октября) на Марію-Голиндуху пермяки приносятъ въ мѣстныя часовни: бараны ноги и головы — въ первый праздникъ; курица и разную другую птицу (колотую) — въ послѣдній. Святые Петръ и Павелъ, равно «Егорій Краброй» считаются покровителями животныхъ; отсюда происходит обрядъ принесенія имъ въ жертву животныхъ. Около Петровокъ зачастую начибаютъ теряться молодые барашки то отъ хвори, то отъ деревенскихъ собакъ и отъ острыхъ зубовъ «сѣраго» пріятеля, дѣткамъ котораго тоже вѣдь надо кормиться. Тогда-то перепуганныя хозяйки и даютъ торжественное обѣщаніе принести апостоламъ одну или двѣ бараны ноги или голову, чтобы только они сохранили ихъ скотинку. То, что случается съ мелкимъ скотомъ лѣтомъ, тоже повторяется съ молодою птицей осенью. И ястребъ, и злой человѣкъ, и хворь все преслѣдуетъ выводокъ, какъ же тутъ за сохраненіе ихъ не пожертвуетъ Марію-Голиндухъ — «куриному богу» (точнѣе: птичьему). Дѣйствительно, въ часовняхъ, гдѣ только празднуютъ эти праздники, приносятся бараны ноги, головы и птица въ избыткѣ. Всё принесенное послѣ молебновъ поступаетъ въ пользу духовенства и употребляется таковыми для собственныхъ нуждъ или продается имъ же, въ засоленомъ видѣ, бѣдной паству по схожей цѣнѣ.

Изъ осеннихъ праздниковъ необходимо отмѣтить праздникъ Флора и Лавра, — «скотьяго бога». Этотъ праздникъ занимаетъ первенствующее значеніе между всѣми праздниками остальныхъ покровителей животныхъ. Онъ празднуется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, по глав. обр. въ д. Кочѣ, Чердынского, и въ д. Бутылевой, Соликамского уѣзда. Съ прошлаго года власть не духовная, а административная запретила празднованіе въ Кочѣ. Праздникъ перепесли въ ближайшую деревеньку Соликамского уѣзда. Впрочемъ, такія запрещенія въ мѣстахъ, переполненныхъ старовѣрами, даже и небезопасны. — «Идите къ намъ, молитесь, какъ мы молимся, и приносите жертвы, кому хотите». Вѣдь, вотъ что говорятъ старцы, а лѣсовъ у нихъ такъ много, и пермяку, чтобы выполнить все то, что выполнялъ онъ самъ и его дѣды и прадѣды, переходъ изъ церкви православной въ старовѣрье становится даже заманчивымъ. — «Мы, если перейдешь къ намъ, ни за крестины, ни за свадьбу ничего не требуемъ». Къ кому будетъ лежать сердце? Нѣть, средство для борьбы съ празднествами въ честь скотьяго бога едвали выбрано удачное. Болѣе всего свѣтомъ церковнаго и школьнаго ученія надо бороться съ такими явленіями, какъ нижеописываемое. Память Флора и Лавра чествуется церковью 18 августа, но у пермяковъ сборы къ этому празднику начинаются еще задолго, а у иныхъ чуть не за цѣлый годъ. Дѣло въ томъ, что когда болѣеть какая-либо скотина, пермяки, прося покровителя животныхъ о выздоровленіи ея, даютъ обѣть принести часть

ся или часть другой скотины, если больная не съѣдобна, или, если скотина невелика, привести ее на веревочкѣ къ святому вмѣсто живой. Есть и такие поклонники, что обѣщаютъ въ жертву и очень большихъ животныхъ, напримѣръ, трехъ-четырехъ лѣтнихъ быковъ. Такіе жертвователи проживаютъ нерѣдко за много десятковъ верстъ отъ часовенъ, гдѣ празднуется память святыхъ и поэтому отправляться имъ къ празднику приходится задолго. Къ этому же времени со всѣхъ сторонъ отправляются къ празднику и нищіе, какъ профессионалы, такъ и любители, въ чаянія хорошей подачки. Особенно много народа стекалось въ д. Кочѣ. Въ ночь на праздникъ то тутъ, то тамъ зажигаются большие костры, фантастически освѣщающіе и группы народа, и тутъ же стоящій скотъ. Шумъ отъ говора, блеянія и мычанія скота, кой-гдѣ отъ пѣсенъ и пьяной ругани стоять всю ночь. Съ наступлениемъ же ночи начинается обрядъ жертвоприношенія животныхъ. Всѣхъ животныхъ колютъ около самой часовни, причемъ шкуры заколотыхъ остаются въ пользу часовни, а часть мяса идетъ на угощеніе богомольцевъ. Нѣкоторые богатые люди, взамѣнъ мяса и шкуры, плятятъ соответственную сумму денегъ. Самое важное, такимъ образомъ, не жертва мяса, а фактъ «закланія» и принесенія за это закланіе хотя бы денегъ въ доходъ часовни. Особо приставленныя лица колютъ приведенный скотъ и слѣдятъ за исполненіемъ обряда жертвованія. Доходность отъ такого празднованія весьма велика. Такъ, напримѣръ, въ Кочу приводили иногда до 50 штукъ быковъ и множество барановъ. Въ жертву можно приносить не каждую скотину, а только «невинную» и, притомъ, мужского пола. Розытое и пожертвованное въ пользу богомольцевъ мясо варится въ нарочно для этого устроенныхъ котлахъ неподалеку же отъ часовни. Въ варево идутъ глав. обр. ноги и головы. Поспѣвшее варево и мясо изъ него раздаются особыми сторожами; народъ рвется къ котламъ, чтобы получить хоть кусочекъ мяса, служащаго вѣрнымъ средствомъ противъ всякихъ скотскихъ болѣзней. Давка, шумъ и драка, приправляемые крупною бранью, не перестаютъ все время вокругъ часовни. Съ ранняго утра приходятъ священники и начинается служеніе молебновъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ д. Бутылевой, Юсьвинской волости, къ этому времени запружаютъ высокой плотиной мимо протекающую рѣчку и въ образовавшемся так. обр. прудѣ, подъ пѣнѣ духовенства, богомольцы становятся въ воду—иные по колѣна, иные на колѣни, иные заходить въ воду по поясъ и выше—какъ кто обѣщалъ святому. Все это происходитъ въ Пермской губерніи 18 августа, т. е. въ то время, когда нерѣдко уже бываютъ заморозки. Стояніе въ водѣ продолжается не минуту или две, а все время совершеннія молебна, да еще и не простого, а съ водосвященіемъ. Много ревматизмовъ, много тифа и всякой простуды уносится отъ праздниковъ святымъ, признаваемымъ пермяками за покровителей животныхъ. Намъ лично приходи-

лось видѣть немало народа, стоявшаго въ студеной водѣ по горло. Какъ только оканчивается молебствіе, священники идутъ между выстроеными въ два ряда лошадьми и окропляютъ ихъ святой водой. Въ д. Бутылевой эта ширинга простиралась въ длину, по крайней мѣрѣ, на полверсты. Затѣмъ, всѣ лошадевладѣльцы начинаютъ гоньбу по близлежащему полю, стараясь вогнать лошадь въ поть — признакъ всосанія воды въ кровь лошади. Разумѣется, наряду съ этимъ фигурируетъ и желаніе хвастнуть лошадью, чтобы въ первой же ярмаркѣ продать ее возможно дороже. Послѣднее обстоятельство часто бываетъ причиной нежданно-негаданной смерти спортсмена. Въ узкомъ мѣстѣ отчаянная гоньба становится особенно опасной и, вслѣдствіе столкновеній и другихъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, много отуманенныхъ кумышкою и брагою головъ закончило свой жизненный путь преждевременно. Почти также празднуется этотъ праздникъ и въ другихъ пермяцкихъ поселкахъ.

Это празднованіе, впрочемъ только въ слишкомъ слабой степени, напоминаетъ празднованіе св. Георгія Побѣдоносца (такое празднованіе нынѣ уже выходитъ изъ моды, но раньше было повсемѣстно), когда также выгоняли скотъ, кропили его святой водой и, радуясь открывшемуся дешевому способу кормленія скота на подножномъ корму, народъ пилъ и ликовалъ.

Въ промежутокъ времени между праздникомъ «скотьяго бога» и праздниками святокъ проходитъ слишкомъ много времени, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь не отпраздновать праздника. Не знаемъ, гдѣ найдется больше частныхъ «деревенскихъ» праздниковъ, какъ у пермяковъ. Построена у насъ часовня въ честь Егорья, — празднуюмъ его и на зимняго, и на вешняго; построена на «Микову милостиваго», — празднуемъ его и весной, и зимой и т. д. Къ каждому празднику чтущіе его готовятся заблаговременно. Но еще болѣе благовременными считаются себя люди, непричастные къ празднику: уже задолго до праздниковъ начинаютъ они поговаривать о днѣ грядущемъ, и съ ранняго утра толпы народа тѣснятся около каждой избы въ чаяніи получить кружку браги, а не то и кумышки. Во время часовеныхъ праздниковъ къ приходу духовенства какъ хозяева, такъ и хозяйки нерѣдко бываютъ сильно пьяны, но все же каждый изъ нихъ требуетъ отъ священниковъ, чтобы они служили у него отдельный молебень. Большинство священниковъ этому подчиняются, и нововведенія молодыхъ батюшекъ, уходящихъ изъ такихъ домовъ, встрѣчаются съ негодованіемъ.

Нельзя не отмѣтить и религіозности пермяка. Войдите вы въ его домъ: въ немъ передъ каждой иконой теплится зажженная восковая свѣчка; столъ покрытъ свѣжею скатертью, на немъ разставлены яства и питья.

Почти также непріглядно проходить и многочисленныя здѣсь ярмарки, чаще всего пріурочиваемыя къ часовеннымъ или церковнымъ праздникамъ. Разнообразіемъ тутъ является только кража, та кража, о которой человѣкъ, не

не знающей быта пермяковъ, не можетъ составить себѣ понятія о ней. Крадутъ все, крадутъ все, что ни попало подъ руку. Попадась живая курица—хватай ее, а перья еще у живой можно ощипать по дорогѣ. Многіе для кражи отправляются изъ Соликамскаго уѣзда въ Кунгурскій и другіе. Кажется нигдѣ воровство такъ не развито, и не можетъ быть такъ развито, какъ у пермяковъ. Главная причина та, что воровство за порокъ не признается. Правда, Богъ воровства не долюбливаетъ. Но, вѣдь, не такая ужъ страшная кара полагается, чтобы бояться воровства. Самое большое наказаніе—это тасканіе покойнымъ съ собой всего, что онъ успѣлъ наворовать за земную жизнь, слѣд., чтобы воровство было полезнѣе, а ответственность возможно легче, слѣдуетъ воровать только вещи негромоздскія, тогда ихъ и на томъ свѣтѣ носить будешь нетрудно, въ особенности же при сознаніи того, что и за семиковымъ столомъ для помѣщенія ихъ достанетъ мѣста и онѣ мирной трапезѣ не помѣшаютъ. Къ воровству же вещей негромоздскихъ располагаетъ удобство скрывать ихъ и, въ большинствѣ случаевъ, сравнительно высокая ихъ цѣнность по сравненію съ вещами громоздкими, встрѣчающимися въ крестьянскомъ обиходѣ. Конокрадство, этотъ страшнѣйший бичъ каждого крестьянина, свилъ въ пермяцкомъ kraѣ прочное гнѣздо, причемъ къ особенно наглымъ ворамъ здѣсь питаютъ нечто въ родѣ уваженія и даже благоговѣнія. Звѣрскія расправы, производимыя надъ этими любителями чужой собственности почти повсемѣстно, здѣсь рѣдки. Впрочемъ, разъ пермяка вывели изъ терпѣнія, онъ не прочь примѣнить къ конокраду не кару, не истязаніе, а мѣру исправительную: отхлестать его кнутовищемъ. Пермяки удостовѣряютъ, что мѣра эта радикальна, т. е. что послѣ ся примѣненія виновный не станетъ больше воровать. Въ данномъ случаѣ пермяки безусловно правы: наказанный такъ обр. конокрадъ заканчиваетъ на третій-четвертый день послѣ приема порки свою жизнь въ ужасныхъ мученіяхъ.

Изъ числа остальныхъ особо чтимыхъ празднествъ нельзя не отмѣтить дни святочные (предъ-рождественскіе); самое же Рождество Хр. равно какъ и Пасха, здѣсь не читаются и за праздникіи не признаются. Не признаются здѣсь также за праздники и большинство праздниковъ православныхъ, напримѣръ: Благовѣщеніе, Вербное воскресенье и многіе другіе. Въ недѣлю передъ Рождествомъ Хр. молодежью устраиваются различные игры, въ большей части напоминающія наши русскіе хороводы. Игры эти имѣютъ мѣсто лишь на святахъ, поэтому онѣ выдѣляются здѣсь изъ общаго круга игръ и шѣсень. Какъ святочныя, такъ и всѣ другія пермяцкія игры, въ общемъ, сводятся къ цѣнѣ, хожденію подъ это шѣшіе молодежи кругомъ, и къ исполненію всего того, о чёмъ поется въ шѣшнѣ.

Крѣнь мой, крѣнь,
Садовой мой крѣнь.

Кто тебъя сѣнѣ?
Кто полевау?

Меня съяу Иванъ,
Поливау Сидиванъ.
Сидиванова жена
Крѣнъ укаживава.
Дѣвка по саду гулява,
Буйну говову чесава.
И сама при косѣ приговаривава:
Ты рости, рости коса
До шевкова пояса,
До сырой земли,
Чтобы люди гледѣли—
Завидовали.

Что завидовали
Слодзавидовали.
Ошше ѿкали бояре
Изъ нова города,
Да завидѣли дѣвичу:
Дѣвка моетча да румянитча.
«Безъ тово дѣвка баска
(Безъ того дѣвка хороша).
Безъ того короша,
Не бѣлится, душа,
Не румянься, душа,
Душа будь короша».

Когда поется эта пѣсня, всѣ дѣвушки встаютъ стаей къ дверямъ и берутся руками за дверную скобку, кавалеры же разсаживаются по лавкамъ. Какъ только пѣсня оканчивается, одинъ изъ кавалеровъ встаетъ, подходитъ къ играющимъ дѣвушкамъ и просить у нихъ позволенія выдернуть на свой пай «крѣновинку». Дѣвушки наперерывъ спрашиваютъ парня: на что ему хрѣнъ и высказываютъ свои, порой довольно таки циничныя догадки. Парень же отвѣчаетъ, что хрѣнъ ему нуженъ для продажи проѣзжему купцу. Повѣривъ на слово говорящему, дѣвушки позволяютъ ему выдернуть одну хрѣновинку, что тотъ и исполняетъ, причемъ выдергиваетъ почти всегда свою временную подругу жизни, съ которой отправляется на лавку. Тутъ онъ усаживается самъ, а дѣвушку садить къ себѣ на колѣни. Пѣсня начинается съизнова, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ играющія дѣвушки не разсядутся на колѣньяхъ своихъ благопріятелей. Послѣ же этого двѣ какихъ-нибудь дѣвушки идутъ на средину избы, обходить сидящихъ и спрашиваютъ: «слатокъ ли крѣнъ? Отвѣтъ отъ всѣхъ получается одинъ и тотъ же: «горькой». Тогда дѣвушки говорятъ: «а коли горекъ, то можно и крѣнъ подсластить, подбавить сакару», причемъ цѣлюютъ другъ друга. Тотчасъ же цѣлюются и сидящія парочки, и дѣвушки сходять съ колѣнъ парней, чѣмъ заканчиваютъ эту игру, если парни не требуютъ повторенія пѣсни.

Либединъ мой, либединъ, либедушка бѣвая. И. т. д.; конецъ пѣсни:

Пошелъ мой—отъ лебединъ,
Во три торга торговать.
Во три торга торговать,
Закупочки закупать.
Дорогу покупку,
Шовкову плетку.

Отворите ворота,
Пропустите лебедя.
Здравствуй, жонушка,
Здравствуй, лебедушка!
Я принесъ тебѣ гостинечъ—
Шовкову плетку.

Погледите люди,
Жена-то мужа любить,
Погледите добры,
Жена-то мужа добрить.

Къ людямъ кодить лицикомъ,
Ко мнѣ, радость, лицикомъ.
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣвая.

При пѣніи пѣсни «Лебединъ мой, лебединъ» дѣвушки и парни становятся кругомъ и ходятъ въ ту или другую сторону (хороводъ водять), причемъ одна изъ дѣвушекъ становится въ самый кругъ. При пѣніи словъ «отворяйте ворота», кругъ разрывается пополамъ и въ него входитъ одинъ изъ парней, неся съ собой что-нибудь завернутое въ свертокъ и изображающее юбку. Свертокъ этотъ онъ подаетъ дѣвушкѣ, но та отвертывается отъ подарка и бросаетъ его на полъ; парень выходитъ изъ круга и входитъ вновь въ него при повтореніи тѣхъ же словъ «отворите ворота», причемъ приносить съ собой и подаетъ дѣвушкѣ взятую у кого-либо изъ играющихъ шаль или простой головной платокъ. Дѣвушка встрѣчаетъ парня еще суровѣе, она сердито смотрѣть на него и бросаетъ подарокъ ему прямо въ лицо. Парень еще разъ выходитъ изъ круга, для того чтобы вновь возвратиться въ него уже съ плеткою, при словахъ: «здравствуй, женушка!» Увидѣвъ въ рукахъ парня плетку, дѣвушка сразу измѣняетъ суровое выраженіе лица на привѣтливую улыбку и низко ему кланяется. Парень же слегка стегаетъ дѣвушку плеткой, а при концѣ пѣсни цѣлує ее. Этимъ заканчивается игра.

Святочныхъ гаданій и пѣсенъ у пермяковъ немного; тѣ и другія сводятся къ одному: придется или нѣть дѣвушкѣ выйти замужъ въ наступающемъ промежговѣнныи. Выйти замужъ—это мечта пермянки. Хоть и плохо, можетъ быть, ей будетъ въ новомъ домѣ, но все же впереди ее ждетъ свой собственный кусокъ хлѣба; дома же, особенно при мачихѣ, дѣвушкѣ живется очень жутко: побои и попреки, да тяжелая, иной разъ совсѣмъ непосильная, работа. Гадая о замужествѣ, дѣвушка отнюдь не идеализируетъ его и спокойно поетъ:

Отдадимъ мы красну дѣвку
Замужъ за Ивана.
У Ивана въ саду яма,

За все будетъ пьяна.
У Шиллера въ саду лица,
За все будетъ бита.

Пермячки любить повеселиться и въ простое будничное время. Въ будніе дни онъ веселятся уже нѣсколько по другому. Будничное веселье проходить на вечеринкахъ—посидѣнкахъ, т. наз. «супрядкахъ», когда подъ видомъ пряденія льна сходятся дѣвушки, а также подростки одной или и сосѣдней деревни къ кому-нибудь въ одну изъ до крайности маленькихъ тѣсныхъ бани поработать-позубоскалить; туда же, конечно, иногда заходятъ и молодые парни. Всѣ посиденки начинаются съ сумерекъ и продолжаются до поздней ночи, а иногда и раннаго утра. На супрядкахъ поются пѣсни и играются различныя игры.

Точно также поютъ и веселятся дѣвушки на зимнихъ помочахъ. Зимнія помочи устраиваются людьми болѣе или менѣе зажиточными и изрѣдка духовенствомъ. Словомъ, устраиваются тѣми, кто въ состояніи собственными силами справиться съ пряденiemъ льна. Пришедшия на помочь дѣвицы собственно говоря, во время самой «помочи», никакой помощи хозяевамъ-устроителямъ ея не оказываютъ, а только пить да ъѣсть въ изобиліи приготовленныя яства и питія, пляшутъ да поютъ. Но зато, уходя съ помочи, они получаютъ, каждая на свой пай, известную часть кудели, которую должны расчесать, выпрясть въ нитки и представить, затѣмъ, хозяевамъ помочи. Если прикинуть все, что истрачивается хозяиномъ на помочь и что стоптъ действительная работа, то, конечно, становится жаль дѣвушекъ-помочанъ, отдающихъ свой трудъ ни за грошъ. Но если принять во вниманіе, что такія помочи, действительно, веселы, то станетъ понятнымъ, почему молодежь поступается горбомъ. Не приглашенные сюда парни бродятъ по близости дома съ помочью и расчеты ихъ иногда оправдываются. Нѣтъ-нѣтъ, кто нибудь изъ участницъ помочи исчезнетъ съ нея преждевременно. Вотъ на этихъ-то супрядкахъ и помочахъ и «созрѣваютъ», по выражению пермяковъ, ихъ дочери. Дѣвушки невинныя считаются ими еще не созревшими; о замужествѣ ихъ до периода созреванія думать рано—такая дѣвушка, несмотря на свои годы, считается ребенкомъ.

V.

Пѣсни.—Сказки (Кривая Лютра, Лѣнивая жена, Сказка про медвѣдя, Иванушка-дурачекъ, Глупые люди и Молодая старуха).—Присказки.—Пословицы.

Пермяцкая народная поэзія крайне бѣдна. Она представляетъ плохую передѣлку заимствованныхъ великорусскихъ пѣсень. На пермяцкомъ языке имѣется лишь нѣсколько пѣсень. Народныхъ музыкальныхъ инструментовъ (нынѣ въ ходу только гармонія) у пермяковъ также нѣть.

Тороканъ тѣ, тороканъ,
Тороканъ абу-ованъ.
Шелье пыранъ-чувѣны,
Горзѣ каянъ-бокъ сotѣ.
Тороканъ абу-ованъ.
Чѣлядь, пѣтамъ да мунамъ,
Еръ гэгэрсэ гэгэртамъ,
Пѣганука-сэ кутамъ.
Ванька посѣдзе пырамъ,
Сурсэ, брагасэ ювамъ,
Кѣми письня висъставамъ.

Тараканъ ты, тараканъ,
Тараканъ не живучій.
Въ щель залѣзешь—тычуть,
На печь поднимешься — бокъ ожжешь.
Тараканъ не живучій.
Ребята, выйдемъ да пойдемъ,
Около поля покружимся,
Пѣгануху поймаемъ.
На Ванькино крыльце зайдемъ,
Пива, браги попьемъ,
Пермяцкую пѣсню скажемъ.

Ишто суръ ектэ,
Ишто бràга ектэ.
Учитикъ Иванòкъ
Сэтэнъ-же бергавэ,
Кыдзь гора кай вебавэ
Мэдэ окàвны мèнэ.
Чёлядь, пётамъ да мунамъ
Ылжитъ туй кузасъ.
Мие вэрасъ пырámъ,
Вэрасъ ошъ сеясъ;
Мие кэзвасъ каямъ
Кэзвасъ уръ пурасъ.
Тороканъ тэ, тороканъ,
Тороканъ ёбу-ованъ.

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Прикатили горьюшки!
Кыдзь ме понда овнытэ?
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Ой-вунсэ джендэтнытэ,
Гàжа-эсэ вүинэсэ,
Гàжа-эсэ вùинэсэ,
Мича-эсэ ой-эсэ!

Бàсекъ нывка
Вòлькыть юра,
Кузь чикися,
Гэрдъ ленточка,
Джèнитъ гòля,
Гэрдъ ернэса,
Вэзъ дубаса,
Гэрдъ запона,
Чёчкомъ чùвки,
Дорэмъ чàрки.

Бòба тэ, бòба,
Съра тэ зòба,
Кычё бòба вèтвинъ?
Чужёй гùввэ вèтви.

Еще пиво пляшетъ,
Еще брага пляшетъ.
Маленький Иванъ
Туть же вертится,
Какъ пёвчая птичка летаетъ,
Хочетъ поцеловать меня.
Ребята, выйдемъ да пойдемъ
По большой дорогъ.
Мы въ лесъ войдемъ—
Въ лесу медведь съесть;
Мы на елку влеземъ—
На елкъ бòлка загрызетъ.
Тараканъ ты, тараканъ,
Тараканъ не живучий.

Ой-ну, да ой-ну, да ой-нушки,
Пришли горести!
Какъ я буду жить-то?
Ночи и дни коротать,
Ночи и дни коротать,
Веселые дни,
Веселые дни,
Ясная ночь!

Красивая дёвшка
Съ гладкой головой,
Съ длинной косой,
Съ красной ленточкой,
Съ короткой шеей,
Въ красной рубашкъ,
Въ синемъ дубасѣ,
Въ красномъ передникѣ,
Въ белыхъ чулкахъ,
Въ подкованныхъ башмакахъ.

Заяцъ ты, заяцъ,
Сърозобый ты,
Куда заяцъ ходилъ?
Въ чужой погребъ ходилъ.

«Мый боба сейнъ?	Что заяцъ ъль?
Виэнъ нянь сеи.	Масло съ хлѣбомъ ъль.
Мёнымъ колинъ-я?	Мнѣ оставилъ ли?
Коли тай, коли.	Оставилъ, оставилъ.
Кычэ пуктынъ?	Куда положилъ?
Джоджъ-понэ пуктынъ	Подъ печь (на концы выходящіе изъ-подъ глинобитной печи) положилъ (русскаго термина яѣтъ) и нѣть.
Джоджъ-понасъ јбу.	
Ширъ натътэ сеисъ.	Мышь должно быть съѣла.
Кытэнъ ширысь?	Гдѣ мышь?
Муэ пырисъ.	Въ землю вошла.
Кытэнъ мусъ?	Гдѣ земля?
Бійэнъ (соччэмъ).	Огнемъ сожжена.
Кытэнъ бысь?	Гдѣ огонь?
Ваэнъ кусэмъ.	Водой загасился.

Эти пѣсни распѣваются на вечеринкахъ (супрядкахъ) или при играхъ круговыхъ, на какой-либо полянкѣ.

Пермяки больше любители сказокъ. Сказокъ у нихъ много, но почти все они представляютъ пересказъ великорусскихъ. Здѣсь приведены только наиболѣе оригинальныя сказки. Сказокъ на пермяцкомъ языкѣ совсѣмъ нѣть.

Кривая лютра (кривая вѣдьма).

Жиль-быль мужикъ. Семи у него не было. Задумалъ онъ жениться. Женился, да жена-то попала ему кривая и весьма лѣнивая. Заставляетъ онъ ее работать, а она ни съ мѣста, и звать мужа не хочетъ. Ни обѣда ему не состряпаетъ, ни одежды не сдѣлаетъ, а такъ живеть даромъ. Разъ какъ-то и говоритъ мужикъ: ты бы, жена, хоть пряла.—Ладко, отвѣчаетъ жена, стану прѣсть; только сходи въ лѣсъ, да изголовъ мнѣ мотовило.—Обрадовался мужикъ, что жена работать захотѣла, живо пошелъ въ лѣсъ. Только жена—откуда и прѣть у нея тутъ взялась—опередила мужика, обѣжала его другой дорогой и притаилась за деревомъ. Мужикъ притшелъ въ лѣсъ, выбралъ лѣсину и сталъ ее рубить, да едва успѣль раза два по дереву ударить, какъ жена его жалобнымъ такимъ голосомъ заплакала: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умретъ».—Услыхалъ мужикъ плачь и задумался: «это, видно, какая-то птица поетъ; нѣть, не стану дѣлать мотовило; жена теперь у меня стала бойкая—за работу想要 приняться; жаль будетъ, если умретъ».—Мужикъ бросилъ работу и пошелъ домой ни съ чѣмъ. А жена

давно его опередила, идеть изъ дома къ мужику на встрѣчу и спрашиваетъ:— что, хозяинъ, сдѣлать мотовило?— Хотѣль, хозяйка, сдѣлать, да какая-то птица сказала, что помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.— Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣтай.— На другой день мужикъ снова пошелъ въ лѣсъ, а баба опять тоже сдѣлала: забѣжала впередъ, притаилась за деревомъ и мужика дожидается. Только началъ мужикъ топоромъ стучать, а она ужъ плачетъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умреть».— Мужикъ снова задумался дѣлать или не дѣлать мотовило. Нѣть не стану дѣлать, вонь у меня какая бойкая жена и смерти не боится, такъ работать хочетъ; жаль ея будетъ, коли помреть. Вернулся мужикъ домой ни съ чѣмъ, а жена, обѣжала его, выходитъ изъ лѣсу и по вчерашнему спрашиваетъ:— что, хозяинъ, сдѣлать мотовило?— Хотѣль, хозяйка, сдѣлать, да опять вчерашняя птица сказала, что ты помрешь, если я его сдѣлаю, а мнѣ тебя жаль.— Охъ, хозяинъ, не слушай ее, а завтра поди и сдѣтай. На другой день мужикъ опять пошелъ въ лѣсъ, а жена ужъ давно тамъ. Только мужикъ за работу, а она и плачетъ такъ жалобно: «чули-вли, чули-вли, чули-вли мои, не сѣки, мужикъ, мотовило—жена умреть». Задумался нашъ мужикъ, что ему дѣлать, а потомъ и рѣшилъ: будь, что будетъ, а жаль жену изобидѣть; вонь какъ она работать хочетъ, по третій день его посыаетъ.— Мужикъ сталъ рубить мотовило. Долго баба плакала напрасно, высѣкъ мужикъ мотовило, обдѣлалъ его и идетъ домой, а жена давно уже домой пришла и выходитъ къ мужику на встрѣчу:— что, хозяинъ, сдѣлать мотовило?— Принесъ, хозяйка, принесъ; теперь пряди.— Взяла баба мотовило, а прясть ей болѣо не охота. Всегда думала, думала, да и напряла нитокъ, намотала на мотовило пасмы съ двѣ примѣрно, взяла большую кадцу, положила туда кудели и поставила ее у порога передъ дверями; потомъ сняла съ мотовила нитки, да растянула ихъ поверхъ кудели. Пришелъ домой мужъ, и вотъ пряха ему говоритъ:— смотри, хозяинъ, собаки въ домъ не впускатъ, а не то перепрыгнетъ она черезъ кадцу и изъ нитокъ снова куделя станетъ. А вѣдь я вонь сколько напряла—жалко будетъ.— Смѣкнулъ мужикъ, что хитрить его баба. Онъ видѣтъ, что напрядено мало, и впустилъ въ избу собаку. Прыгнула собака черезъ кадцу, зацѣпилась въ ниткахъ, да и стащила ихъ на полъ. Кричать его баба:— охъ, хозяинъ, что ты надѣлалъ! Говорила я тебѣ: не пускай собаки, а теперь вотъ видишъ, что изъ нитокъ стало.— Думаль, думаль мужикъ, что съ бабой сдѣлать, и не придумалъ ничего другого, какъ спросить ее:— вотъ, хозяйка, идеть праздникъ большой—Пасха Христова. Всѣ люди снарядные (ярядные) будутъ, а я въ чемъ въ церковь пойду?— Молчи, хозяинъ, одежду я тебѣ излажу, снаряжу тебя побассѣе (по красивѣе) другихъ.— Наканунѣ праздника, взяла баба и

заколола курицу; перья съ нея ошипала; потомъ пошла въ лѣсъ и насириала тамъ сѣры съ деревьевъ. Пришла домой, велѣла мужику раздѣтися, обмазала его съ ногъ до головы сѣрой и обсыпала его куриными перьями, да такъ и послала въ церковь. Пришелъ мужикъ въ церковь, а тамъ народу много-прѣмного. Всѣ на него дивуются, всѣ его боятся; всѣ съ него глазъ не сводятъ: кто это пришелъ? кто это такой? Такъ всѣ шептали другъ-другу, но узнать его такъ-таки никто не могъ. До прѣжъ того, какъ теперь, и въ церквахъ порядка было немногого. Въ сутолокѣ кто-то толкнулъ, по нечаянности, мужика, а онъ-то отъ толчка и насунься, на грѣхъ, на свѣчку. Какъ только огонь коснулся перьевъ, тѣ вспыхнули. Загорѣлся мужикъ съ головы до ногъ. Жгетъ его огонь, давай-ка онъ бѣжать домой. Прибѣжалъ и говорить женѣ: — ахъ, ты, такая-сякая, что со мною наробила (сдѣлала)! Погляди-ко на меня, вѣдь я нагой прибѣжалъ и всѣ меня такимъ видѣли. — Шибко разсердился за это мужикъ на свою лѣнившую бабу и задумалъ ее какъ-нибудь извести. Вотъ идетъ онъ какъ-то къ рѣчкѣ и сдѣлалъ черезъ нее два перехода: одинъ изъ хорошихъ досокъ, а другой изъ гнилыхъ. Привель онъ свою бабу къ гнильмъ доскамъ и говорить: «смотри, баба, по этому переходу не ходи, не скачи; пойдешь — худо тебѣ будетъ». А надо сказать, что Лютра (такъ прозвали жену мужика) всегда дѣлала ему на перекоръ; и теперь на слова мужа она перечила: «а вотъ пойду, эле-люкъ пойду, вотъ пойду, эле-люкъ пойду». Она побѣжала по доскамъ, да только не успѣла добѣжать до середины перехода, какъ доски подъ ней подломились и она упала въ воду. Только мужикъ ее и видѣлъ. Пришелъ мужикъ домой; вошелъ въ избу и видѣть пусто въ избѣ; жалко стало ему своей бабы. Что сдѣлать, какъ достать ее изъ воды, чтобы привести домой. Вотъ сдѣлалъ онъ веревку, привязалъ къ ней зыбку, пошелъ съ снарядомъ къ рѣчкѣ и пустилъ въ нее зыбку. Потянуль зыбку обратно и слышать, что-то попало. Ну, думаетъ мужикъ, вытащу назадъ свою бабу и уведу ее домой, станемъ опять вмѣстѣ жить-поживать. Ташить онъ, ташить, глядь — вмѣсто его бабы попала ему въ зыбку нечистая сила — кикимора. Мужикъ сталь было опускать ее обратно въ воду, да нѣть: кикимора схватилась за него крѣпко-прекрѣпко и говорить: «батюшка, спаси меня отъ кривой Лютры. Попала она въ наше царство и житъя отъ нея намъ не стало. Спаси меня, вынь изъ воды и за это я тебѣ добро сдѣлаю. Съ этихъ поръ я стану забиваться въ богатые дома; буду тамъ всячески пакостить вездѣ, гдѣ только можно, а ты будешь меня выживать, за это деньги получать и скоро разбогатѣешь. Только одно запомни: какъ придется меня выгонять, ты войди въ домъ и крикни: «я въ домъ, кикимора изъ дому вонъ! Я тотчасъ же убѣгу». Видѣть мужикъ, — плохо ему приходится; крѣпко схватила его кикимора; вѣроятно, жутко ей пришлось отъ кривой Лютры. Мужикъ вытащилъ изъ воды

кикимору, и та сейчас же пошла гулять по бѣлому свѣту. Она забилась въ одинъ богатый домъ и стала тамъ пакостить въ чашки и въ ложки, а затѣмъ бить посуду и все, что попадало ей подъ руку. Не рады стали ей въ домѣ и начали искать такого человѣка, который бы вывелъ ее изъ дома. Услыхаль про это мужикъ, пришелъ и похваляется: «я могу кикимору выгнать». Стали мужику кланяться: выгони кикимору. Онъ согласился выгнать кикимору и выговорилъ себѣ въ награду сто рублей. Взошелъ въ домъ и крикнулъ: «я въ домѣ, кикимора изъ дома вонъ!» Кикимора сейчас же уѣжала изъ дома, но по дорогѣ она все же шепнула мужику, куда она опять идти хочетъ. Угостили мужика, дали ему сто рублей и просто не знали, какъ благодарить его за такую его услугу. Кикимора, между тѣмъ, полѣзла въ домъ болѣе богатый и опять стала пакостить, да еще хуже, чѣмъ раньше. Такъ она изѣждалась (издѣвалась), что хозяевамъ ни пить, ни ъесть нельзя было—не покойное житѣе стало. Вотъ, прослушавъ о мужикѣ, хозяева стали просить его выгнать кикимору и тоже пообѣщали ему сто рублей. Мужикъ радъ былъ деньгамъ, пришелъ въ домъ, да опять такимъ же образомъ выгналъ кикимору. Получилъ онъ денежки и идетъ домой, а кикимора бѣжитъ рядомъ и шепчетъ ему: «смотри, не пытайся меня больше гнать, а не то я тебя сѣѣмъ!» Чтò дѣлать мужику, опять его просить выгнать кикимору изъ дома самаго первого богатѣя. Всѣ знаютъ, что кромѣ мужика никто выгнать кикимору не можетъ. Долго онъ отговаривался, все боялся загубить свою жизнь, да все же соблазнился двумя стами рублей и пошелъ. «Будь, что будетъ, думаетъ, пойду». Только что взошелъ мужикъ въ двери, а кикимора на него со всѣхъ ногъ такъ и накинулась, да такая презлюющая. Она закричала: «а, ты опять пришелъ. Я тебѣ развѣ не говорила, чтобъ ты не ходилъ. Теперь я тебя сѣѣмъ». Весьма испугался мужикъ, не знать, что сказать, да вдругъ пало ему на умъ: «что ты, матушка, говорить онъ, вѣдь я пришелъ не гнать тебя, а сказать, что Лютра изъ воды вышла, тебя и меня ишеть сѣѣсть». Быстро вылетѣла кикимора изъ дома, да прямо къ рѣчкѣ—только брызги поднялись. Тѣмъ все дѣло кончилось; мужикъ избавился отъ лѣнивой и упрямой жены и разбогатѣлъ.

Лѣнивая жена.

Мужикъ задумалъ жениться. Чтожъ, дѣло ладное. И женился. Стали молодые жить-поживать и хозяйничать. Наѣхать мужикъ хлѣба много-премного, а дѣлать работу было некому. Вотъ онъ говорить женѣ: «давай, хозяйка, сваримъ пива да браги, досѣемъ (устроимъ) помочь». Хозяйка сварила ему пиво, да на грѣхъ оно очень хорошее удалось, а хозяйка до страсти любила хорошее

пиво. Воть она и говоритъ: — хозяинъ, на что намъ помочь дѣлать; я одна управлюсь съ дѣломъ. Только мѣсто покажи. — Ладно, сказалъ мужикъ, и пошелъ показывать бабѣ, гдѣ ихъ поля. Утромъ чуть свѣтъ баба налила себѣ полный туесъ (берестяное ведерко) пива и позвала мужа жать. Пришли на хлѣбныя полосы, баба сразу нажала три снопа ржи. Диву дался мужикъ, хвалить жену: — да ты у меня баба бойкая, одна все выжнешь! — Выжну, никого не зови, говорить баба. — Оставилъ мужикъ бабу на полѣ жать рожь, а самъ пошелъ на другое поле хлѣбъ сѣять. Увидала баба, что осталась одна, взяла буракъ, и давай изъ него пиво пить. Выпила все пиво заразъ и захмѣлѣла. Она положила два снопа подъ себя, а третій подъ голову, легла и уснула. Проснувшись, она глядитъ, уже ночь на дворѣ, испугалась, стала охать: «экая бѣда, экая бѣда, что я надѣлала, что мнѣ хозяинъ скажетъ»! Побѣжала домой, а мужъ-то ужь дома дожидается и вотъ спрашиваетъ ее: — что, хозяйка, много нажала? — Полоску всю, слава Богу, выжала, отвѣчаетъ заспиха. — На другое утро мужикъ повелъ свою бабу на другое поле (по новости, баба еще не знала своихъ полосъ). Пошла баба, съ собой все же захватила новый буракъ пива. Какъ мужикъ ушелъ, она напилась и проспала до полночи. Пришла домой и снова сообщила мужу, что всю полосу выжала. Хвалить ее мужикъ и вѣрить, что на самомъ дѣлѣ выжаты двѣ полосы. Пошли на третій день на новое, третье поле, мужикъ оставилъ свою бабу одну, а самъ ушелъ сѣять. Выжала баба три снопа, выпила пива, охмѣлѣла и на снопахъ уснула. Сѣяль, сѣяль мужикъ и думаетъ: «дай-ка пойду я, да посмотрю на хозяйку». Пришелъ мужикъ, видитъ — она спитъ. Сталъ онъ ее трясти, а она не просыпается. Осердился мужикъ и думаетъ: «ладно, ты меня обманула, такъ и я надѣ тобою шутку устрою». Пошелъ онъ домой, взялъ ведро дегтя и принесъ его на поле. Мужикъ затѣмъ схватилъ бабу, поставилъ ее внизъ головой и выкупаль ее въ дегтѣ. Такъ какъ она и послѣ этого не проснулась, то онъ оставилъ ее на полѣ. Проснулась баба, когда ужь стало совсѣмъ темно. Хватила она себя за голову, хватила за бока и заревѣла: «вотъ бѣда, что это? кто это сдѣлалъ надо мною такую шутку? да ужь я ли это? Нѣть, это не я — Марфида (Марфа). Пойду домой, спрошу у хозяина: дома ли Марфида? Если она дома, такъ это не я; нѣть ея дома, такъ это я — Марфида». Баба приходитъ домой, стучитъ подъ окномъ и кричитъ: — хозяинъ, Марфида-то дома? — Дома, отвѣчаетъ. — Экая бѣда, видно, я не Марфида. Нѣть, думаетъ она, спрошу еще разъ: — дома ли Марфида? — Дома, дома, брагу цѣлить, былъ отвѣтъ. — Что я теперь стану дѣлать, стала вздыхать баба, кто я такая, ничего мнѣ не остается, какъ идти, куда глаза глядятъ! — Идетъ баба, подходитъ къ лѣсу, а тамъ у елки сидятъ разбойники. Подбѣжала къ нимъ баба и просить: «примите меня къ себѣ». Увидали ее разбойники и испугались:

ночью ужь очень она была страшна и—давай бѣжать, а она за ними. Бѣжали они, бѣжали, глядять не отстаетъ отъ нихъ чудище, все по-бабьему кричить. Вотъ остановились они и спрашиваютъ его: «кто ты? Иди съ нами, только не кричи». Разбойники повели съ собою Марфиду, привели къ богатому мужику и уговорились воровать у него рѣпу. Подошли они къ ямѣ, где была рѣпа, и говорятъ Марфидѣ: «полѣзай въ яму, выбрасывай рѣпу въ кучи—крупную на печенки, мелкую на паренки, а среднюю такъ ъесть». Лѣзетъ баба въ яму, выбрасываетъ изъ нея рѣпу, да сама во все горло кричитъ: «этую на пе-е-че-ен-ки, эту на па-аре-енки, эту та-акъ ъесть»! Не кричи ты, убѣждаютъ ее разбойники, а она даже пуще стала выкрикивать. Убѣжали разбойники, видѣть, что ихъ поймаютъ, а бабу оставили въ ямѣ. И хорошо они сдѣлали. Проснулись хозяева, пришли къ ямѣ и сильно избили бабу. Ревѣла, ревѣла баба, пошла снова по дорогѣ и опять нашла въ лѣсу тѣхъ же разбойниковъ. Не могли тѣ отъ нея отвязаться, взяли ее снова съ собою. Дошли до другого богатаго мужика. Подняли уголь у амбара и говорятъ бабѣ: «полѣзай въ амбаръ; тамъ есть ленъ чесанный и нечесанный. Чесанный-то отбирай, да намъ бросай, а нечесанного намъ не надо. Только смотри не кричи». Залѣзла баба въ амбаръ, отбираетъ ленъ, а сама опять во все горло кричитъ: «этотъ ленъ че-е-еса-ано-о-й, этотъ не-ече-е-са-ан-ны-й»! Услышали разбойники, что идутъ хозяева и убѣжали, а бабу оставили въ амбарѣ. Били хозяева бабу, сильно били, чуть до смерти не убили, отпустили чуть живою. Бѣда, какъ ревѣла баба и поплелась, куда глаза глядятъ. Пришла въ лѣсъ и набрела опять на тѣхъ же разбойниковъ. Увидала ихъ баба и давай на нихъ что есть мочи кричать: «ахъ вы, такие-сякие, зачѣмъ вы меня одну оставили! Меня всю избили». Не рады ей стали разбойники и давай ее ругать: «будь ты проклята, да на что ты къ намъ привязалась, да на что ты за нами идешь!» Они рѣшили отвязаться отъ нея. «Пойдемъ, говорятъ они ей, къ попу на островъ, тамъ у него рѣша посѣяна». Бабѣ давно хотѣлось есть и она на это съ радостью согласилась. Черезъ рѣку отъ поповскаго дома былъ островъ. Разбойники устроили къ острову переходъ изъ гнилыхъ досокъ, перѣѣхали сами съ бабой на лодкѣ и говорятъ ей: «рви, баба, на островѣ рѣпу, а за это мы принесемъ тебѣ мяса». Они уѣхали на другую сторону, а баба принялась рѣпу рвать и что есть мочи кричать: «вотъ и рѣ-ѣпа, вотъ и рѣ-ѣпа-а!» Услыхали ея крикъ попъ и попадья и побѣжали на островъ по переходу, да не успѣли они дойти до половины, какъ увидала ихъ баба и, думая, что это разбойники, закричала: «мясо-то не-е-се-ете-е?» Какъ услышали это попъ и попадья, испугались и бросились обратно, а переходъ-то подъ ними подломился, они упали въ воду. Баба, какъ была, такъ и осталась, да говорятъ и теперь она еще силить на островѣ.

Сказка про медвѣдя.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ были три дочери. Вотъ старикъ говоритъ старухѣ: «я пойду въ лѣсъ дрова рубить и по дорогѣ набросаю стружекъ до того мѣста, гдѣ стану рубить, а ты испеки блинки и пошли ихъ съ дочерью—она по стружкамъ найдетъ меня». Идетъ старикъ лѣсомъ, да стружки бросаетъ, а медвѣдь сидитъ за кустомъ и видитъ это. Медвѣдь стружки сталь подбирать и бросать по дорогѣ же, да только не по той, по которой старикъ шелъ, а по дорогѣ, ведущей къ нему въ берлогу. Старикъ идетъ ничего не подозрѣвая. Старуха затопила печь, испекла блины и велѣла старшей дочери отнести ихъ. Пошла дѣвица по дорогѣ и по стружкамъ дошла до избы, а въ ней—видить—вместо отца медвѣдь сидитъ. Весьма испугалась дѣвица, стоять и молчать, а медвѣдь говорить ей:—останься, лѣвушка, у меня, будь моей хозяйкой.—Нѣтъ, не останусь.—А, не останешься, такъ я тебя съемъ!—Съѣлъ медвѣдь дѣвушку, а кости выбросалъ на полати. Ждалъ старикъ въ лѣсу блиновъ до самаго вечера и пошелъ домой. Тутъ онъ кинулся на старуху, сталь съ ней ругаться и бить, приговаривая: «старая карга, не обманывай, носи мнѣ блины!» На другой день старикъ опять пошелъ въ лѣсъ и наказалъ старухѣ послать ему блиновъ, по той же примѣтѣ. Медвѣдь ужъ давно его караулилъ и снова собралъ и разложилъ стружки по своему. Старуха велѣла второй своей дочери снести отцу блины. Пошла дѣвушка съ блинами и дошла до медвѣжьей избы. Зашла въ нее, а медвѣдь сидитъ на лавкѣ и говорить: «дѣвушка, останься у меня, будь моей хозяйкой». Со страху она и слова вымолвить не смогла и побѣжала. Медвѣдь догналъ ее, схватилъ, съѣлъ и кости на полати сбросалъ. Долго ждалъ старикъ блиновъ и, не дождавшись ихъ, пошелъ домой. Онъ опять сталъ бить и ругать старуху. Старуха отпиралась, что старика не обманывала и блины посыпала, старикъ всетаки не вѣрилъ. На третій день старикъ строго-на-строго велѣлъ послать ему въ лѣсъ блиновъ. «Не пошлешь, старуха, прибавиль онъ, я убью тебя». Отправляется нашъ старикъ опять въ лѣсъ и стружки, по пути, бросаетъ, а медвѣдь идетъ сзади его и стружки перебрасываетъ на свою дорогу. Старуха еще до пѣтуховъ встала и все блины печеть. Напекла и велѣла младшей дочери снести ихъ отцу. Идетъ дѣвица отъ стружечки къ стружечкѣ и дошла до медвѣжьей избы. Только въ избу взошла, а медвѣдь и спрашиваетъ свою гостью: «будешь, дѣвушка, моей хозяйкой, такъ останься у меня?» Испугалась дѣвушка.—Хорошо, говорить, останусь.—Ладно, отвѣчаетъ медвѣдь, а то я съѣль бы тебя. — Дѣвушка осталась жить у медвѣдя, стала хозяйствовать и кормить его сладко-пресладко.

Медвѣдь какъ-то ушелъ въ лѣсъ и что-то на-долго. Долго ждала его наша дѣвушка и думаетъ: «ну-ка, погляжу я, что у него гдѣ лежитъ». Пошла она въ амбаръ—хлѣба полно. Заглянула въ другой: всякое добро, да все шелковое; заглянула въ третій, а тамъ—золота до самаго цотолка. Амбары-то у медвѣдя все пребольшіе, только рядомъ стоялъ малый чуланчикъ, а въ немъ находились двѣ склянки—одна съ живой, а другая съ мертвой водой. Много дивовалась дѣвушка и пошла потомъ рыться по избѣ. Все переглядѣла, залѣзла подъ конецъ и на полати. Какъ увидала тамъ чело вѣчны кости, такъ и заревѣла: «вѣдь, эти кости, должно быть, моихъ сестеръ!» Взяла она эти кости, сбѣгала въ чуланчикъ за живой и мертвой водой и стала поливать ихъ. Полила на кости сначала мертвой водой—онъ срослись, а какъ полила живой воды—появилось на нихъ тѣло. Тогда она не пожалѣла воды живой и всю ее вылила на покойницъ. Сестры ожили. Послѣ разлуки на радостяхъ онъ стали цѣловаться и обниматься. Затѣмъ, онъ принялъ судить—рядить, какъ имъ избавиться отъ медвѣдя. Вотъ младшая сестра говорить: «я васъ, сестры, домой отправлю, только теперь, до поры-до времени, спрячьтесь». Только что спрятались сестры, какъ медвѣдь пришелъ изъ лѣсу. Дѣвушка накормила его и, укладывая спать, говоритъ ему:—что же это, хозяинъ, долго ли мы будемъ такъ жить? Вѣдь надо же тебѣ съ моими стариками, съ отцемъ-матерью, помириться!—Ну, такъ что, мириться, такъ мириться.—Такъ вотъ что, продолжала дѣвушка: я завтра, пока ты будешь въ лѣсу, напеку пироговъ да шанегъ, а придешь изъ лѣсу и наѣшься, широги и шаньги унеси въ гостинецъ отцу.—Согласился медвѣдь, и когда на другой день онъ пошелъ въ лѣсъ, дѣвушка отыскала пребольшой пестерь (корзинку), выгребла изъ амбара весь хлѣбъ, ссыпала его въ пестерь, да туда же посадила старшую сестру, самый же пестерь туго-на-туго перевязала веревкой. Пришелъ медвѣдь, наѣлся, схватилъ пестерь къ себѣ на спину и пошелъ, только успѣла дѣвушка сказать ему: «смотри, дорогої пироги не ѿшь—я полѣзу на крышу и буду глядѣть». Медвѣдь бѣжалъ лѣсомъ, пріутомился и говоритъ: «уфъ, какъ я усталъ. Сись-ка на пенекъ, съись-ко пирожокъ!» Дѣвушка въ пестерь заплакала и молвила: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѿшь пирожокъ!»—Вотъ бѣда, подумалъ медвѣдь, какъ это она такъ далеко видитъ меня». Вѣдь я ужъ сколько верстъ лѣсомъ прошелъ. Побѣжалъ онъ дальше. Добѣжалъ до старицкой избушки и—хресь въ ворота! Ворота отворились, а собаки накинулись на него, да какъ принялись за его пятки, такъ медвѣдь и про пестерь забылъ, давай бѣжать. Прибѣжалъ домой, отдувается и говоритъ: «охъ, какія у васъ собаки злющія, всѣ пятки мнѣ искусали!» Дѣвушка въ оправданіе возразила: «не повѣрю я тебѣ, ни въ жизнь не повѣрю, у насъ собаки смиренныя, обманываешь ты, коли говоришь, что онъ

злющія. Ступай-ка завтра, да поклонись отцу-матери, а я напеку блиновъ и шанегъ». На другой день медвѣдь пошелъ въ лѣсъ; дѣвица напекла пирогъ, сложила въ большой пестерь все золото изъ амбара, посадила туда же вторую сестру и уговорила медвѣдя нести пестерь отцу, для мировой. Напился, наѣлся медвѣдь, схватилъ пестерь и побѣжалъ къ старикамъ. Скоро онъ усталъ и думаетъ: «сись-ка на пенекъ, съись-ко пирожокъ». А дѣвушка изъ пестеря кричитъ: «вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѿшь пирожокъ!» Побѣжалъ медвѣдь дальше; бѣжитъ да ворчить: «вотъ бѣда, и отдохнуть нельзя; какъ это она видить меня, вѣдь я далеко ушелъ». Прибѣжалъ къ воротамъ старицкой избушки и опять—хресь въ ворота! Собаки пуще вчерашняго кинулась на него. Схватили за его кожу у голяшекъ, да почти до самыхъ пять ее спустили. Освирѣпѣлъ медвѣдь, бросилъ на дворѣ пестерь, а самъ домой бѣжать. Домой прибѣжалъ злющий, весь въ крови. Вошелъ въ избу и кричитъ: «смотри-ка, что со мной ваши собаки сдѣлали, а ты все не вѣришь! Не пойду больше ни за что». Дѣвушка обласкала и урезонила его. Помирился съ нею медвѣдь и пообѣжалъ завтра еще разъ, да только въ самый послѣдній, сходить къ старикамъ на поклонъ. Дѣвушкѣ только этого и надобно было. На утро она проводила медвѣдя въ лѣсъ, напекла пирогъ; со всѣхъ ногъ бѣгаешь-суетится. Она нашла самый большой пестерь, сложила въ него все шелковые, а поверхъ его пироги, да еще и для себя мѣста оставила. Приходить медвѣдь изъ лѣсу домой, давай дѣвушка угощать его, да такъ сладко и такъ много, что онъ едва могъ дышать.—Ну, не хотѣль я больше идти къ старикамъ, молвилъ медвѣдь, да седни ты меня очень уважила, сладко накормила, и я уважу тебя въ послѣдній разъ: схожу къ старикамъ съ поклономъ.—Иди съ Богомъ, больше тебя посылатъ я не стану; въ сѣняхъ возьми пестерь и неси его, а я пойду на крышу смотрѣть на тебя.—Дѣвушка быстро побѣжала на крышу, захвативъ съ собой деревянную ступу. Ступу же загодя обрядила въ свое платье и верхушку повязала своимъ платкомъ. Ступу она поставила на крышу, а сама скрѣе сѣжала внизъ, залѣзла въ пестерь, завязалась изнутри и—сидитъ. Медвѣдь схватилъ пестерь, бросилъ его къ себѣ на спину и подумалъ: «что она тутъ наложила,—ровно камни». Медвѣдь бѣжитъ да кряхтитъ и скоро присталъ. Онъ опять захотѣль присесть на пенекъ, сѣсть пирожекъ. Но дѣвушка сейчасъ такъ жалобно завопила изъ пестеря:—вижу, вижу... не садись на пенекъ, не ѿшь пирожекъ!—Экая бѣда, какъ она меня видить. Ну, да ладно, донесу, вѣдь уже въ послѣдній разъ.—Едва добѣжалъ медвѣдь до воротъ и—хреснуль воротами. Собакъ на него выбѣжало еще больше, еще злѣе. Какъ вѣспились они въ медвѣдя, изорвали у него въ куски всѣ ляжки; едва онъ отбился, бросилъ пестерь и побѣжалъ домой безъ оглядки. Медвѣдь бѣжитъ да рявкаетъ: «погоди ты у меня,

дамъ я тебѣ почувствовать, какъ поправлюсь! Подбѣжалъ медвѣдь къ избушкѣ и кричать: «слѣзай съ крыши, да отпирай двери! Слышишь, слѣзай!» Молчать ступа, молчать да на одномъ мѣстѣ стоять. Совсѣмъ освирѣпѣлъ медвѣдь, полѣзъ на крышу, да какъ брякнетъ по ступѣ лапой, та съ крыши о земль грохнулась и въ мелкія щепы раскололась. Тутъ только медвѣдь догадался, что дѣвушка его обманула. Заревѣлъ тутъ медвѣдь свирѣпымъ воемъ. Онъ бросился затѣмъ къ амбарамъ—вездѣ пусто. Видѣть—его въ конецъ разорили. Долго и сильно ревѣлъ онъ, а все же къ старику и старухѣ больше не пошелъ. Больно ужъ его собаки проняли.

Иванушка-дурачокъ.

Жили-были три брата; двое умныхъ, а третій былъ у нихъ Иванъ-дуракъ. Вотъ задумали умные братья жениться и послали дурака на мельницу, чтобы солоду смолоть и къ свадѣбѣ пива наварить. Смололь дуракъ солодъ, идетъ съ нимъ домой, да на бѣду захотѣлось ему пить. Неподалеку была рѣчка. Подошелъ Иванъ къ рѣчкѣ, высыпалъ въ нее солодъ, напился и приходитъ домой къ братьямъ. Гдѣ солодъ? спрашиваютъ его братья. Разсказалъ имъ Иванъ, куда хмѣль дѣвалъ. Ругали его братья, да что съ дурака возьмешь. Снова они послали Ивана, чтобы онъ для нихъ хоть хмѣлю купилъ на базарѣ. Пошелъ Иванъ за хмѣлемъ, купилъ его, взвалилъ къ себѣ на плечи и несетъ. Шумитъ хмѣль за плечами, а Ивану покажись, что хмѣль ругаетъ его: «Иванъ-дуракъ, Иванъ-дуракъ!» Разсердился Иванъ: «иша же всякая дрянь ругается!» И онъ выпустилъ хмѣль по вѣтру. Пришелъ домой и рассказалъ братьямъ, за что онъ на хмѣль разсердился. Ругали его братья, ругали, сходили сами за солодомъ и за хмѣлемъ и заварили пиво. Затѣмъ братья куда-то отлучились изъ избы, а Ивана оставили дома. Вотъ Иванъ вылилъ пиво на полъ, принесъ сельницу (корыто, въ которомъ сѣютъ муку и катаютъ хлѣбы), поставилъ ее на полъ, взялъ въ руки хлѣбную лопату, сѣлъ въ сельницу и давай по избѣ плавать. Вернулись братья и увидѣли, что Иванъ сѣдалъ съ ихъ добромъ. Они ругали его и придумали, что для того, чтобы имъ отъ Ивана-дурака отвязаться, надо имъ убѣжать отъ него, а не то все равно онъ разорить ихъ. Вотъ они сложили въ мѣшкѣ все свое имущество и стали выжидать время, когда Иванъ уйдетъ. Иванъ подкараулилъ, какъ братья имущество складывали, и залѣзъ въ одинъ изъ мѣшковъ. Видѣть братья—нѣть дурака. Они взвалили мѣшкѣ къ себѣ на спины и понесли. Вотъ шли они, шли, дошли до избушки и вздумали въ ней отдохнуть. Взошли въ избушку, развязали мѣшкѣ, а Иванъ-дуракъ тутъ: выскочилъ оттуда и закричалъ: «братья, и я съ вами!» Братья разсердились на Ивана, и

просто не знали, какъ отъ него отдѣлаться. Въ паказаніе братья велѣли ему нести дверь, что была отнята ими отъ избушки. Пошли братья дальше. Идутъ они, несутъ мѣшки, идетъ и Иванъ-дуракъ и несетъ пребольшую дверь. Долго ли-коротко ли дошли братья до лѣса и вдругъ слышать—скачутъ разбойники. Что имъ дѣлать. Полѣзли братья на дерево и мѣшки съ собой захватили; полѣзъ за ними и Иванъ-дуракъ и дверь свою туда же затащилъ. Разбойники, какъ на грѣхъ, остановились подъ тѣмъ же деревомъ. Сидѣть разбойники подъ деревомъ и варять кашу. Иванъ-дуракъ все держитъ свою дверь; наконецъ, утомился и говорить братьямъ:—ой, братья, не могу двери удержать.—Молчи, дуракъ—они вразумляли его—попадешься ты и мы тогда изъ-за тебя пропадемъ.—Посидѣль, посидѣль Иванъ, и опять говорить:—братья, у меня брюхо болитъ, усидѣть не могу.—Молчи дуракъ—снова они твердили ему—попадешься разбойникамъ, и мы изъ-за тебя пропадемъ.—Терпѣль Иванъ, терпѣль, да вдругъ грохнулся съ дверью на землю и крикнулъ. Разбойники, кто куда, всѣ со страху поразбѣжались. Только одинъ изъ нихъ до того испугался, что съ мѣста сойти не могъ. Иванъ подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у него изъ-за пояса ножъ и обрѣзалъ имъ у разбойника языкъ. Пустился разбойникъ догонять своихъ товарищѣй. Онъ кричать имъ въ догонку: «стойте, братья, одинъ талалалекъ, одинъ талалалекъ!» Безъ языка не могъ онъ крикнуть имъ: «одинъ человѣкъ». Разбойники, услыхавъ его, подумали, что онъ кричитъ про «сто человѣкъ, сто человѣкъ» и стали убѣгать еще скорѣе. Разбойники бѣжали, бѣжали, да наконецъ одумались. «Стой, братцы,—раздался голосъ—кажется, вѣдь кто-то кричитъ: одинъ человѣкъ, одинъ человѣкъ». Остановились они и видѣть: бѣжитъ къ нимъ ихъ товарищъ; лице у него все какъ есть въ крови. Подбѣжалъ онъ близко—видѣть разбойники, что онъ безъ языка. Выспросили у него, какъ было дѣло, и повернули назадъ: да гдѣ тебѣ...

Иванъ-дуракъ вмѣстѣ съ братьями забралъ все имущество разбойниковъ и ушелъ изъ лѣсу. Онъ пришелъ домой и сталъ жить да поживать.

Глупые люди.

Жили-были старикъ и старуха; у нихъ былъ сынъ Иванушка. Вотъ пришло время, когда надо отдавать Иванушку въ солдаты, а идти ему въ солдатчину—смерть не охота. Онъ постоянно прятался то въ хлѣвъ, то на гумно, то на полати, то—куда попадо, чтобы только его не схватили и не отправили на военную службу. Стала однажды старуха топить печку и уронила съ шестка ощепокъ, а ощепокъ былъ большой. Глядѣла, глядѣла старуха—да какъ зареветь. Услышалъ старикъ, что реветъ его старуха, пришелъ въ избу

и спрашиваетъ:—о чёмъ ты, старуха, плачешь?—Охъ, старики, не знаешьъ ты моего горя. Какъ мнѣ не реветь. Пособи ты моему горю. Слушай, что я тебѣ расскажу. Стала я топить печку, уронила ощепокъ на шестокъ, а съ шестка на полъ. Тутъ мнѣ пало въ голову: какъ бы нашъ Иванушка да былъ женатой, да кабы у него былъ ребеночекъ и сидѣлъ бы онъ тутъ на залавочкѣ; ощепокъ палъ бы на него; такъ бы тутъ его и прихлопнуло. Чтобы я тогда стала дѣлать-то?—А вѣдь ты, старуха, права. Давай-ка я пособлю тебѣ реветь.—Оба и забазанили. Услыхалъ ихъ ревъ Иванушка и думаетъ: «вотъ бѣда, видно, за мнай пришли; пойду, отворю немножко дверь, погляжу; вѣдь, не вдругъ же схватять». Подошелъ къ дверямъ, маленько пріотворилъ, видитъ: никого нѣтъ, кроме старика и старухи. Зашелъ въ избу и распросилъ, о чёмъ они ревутъ. Они рассказали ему. Посмотрѣлъ на нихъ Иванушка, плонулъ на земль и сказалъ: «тьфу, вы, шальные, испужали меня до смерти; пойду я, куда глаза глядятъ; если найду дичье, да дурнѣе васъ, ворочусь тогда къ вамъ, а не найду—не видать вамъ меня болѣе». Ушелъ. Только его и видѣли старики со старухою.

Долго ли, коротко ли шелъ Иванъ, да дошелъ до избы. Заходить въ избу, а въ ней тоже живеть старики со старухой; они ёдятъ кисель и молокомъ захлебываются. Хлѣбнутъ ложку киселя и ёжатъ въ клинъ молокомъ захлебнуть. Глядѣть, глядѣть на нихъ Иванъ и говорить:—не дѣло вы дѣлаете. Дайте мнѣ сто рублей и я научу васъ, какъ надо єсть.—Возьми, батюшка, съ радостью дадимъ, только научи, а то мы каждый разъ ёдимъ до пристатку, зачастую и наѣстся не можемъ.—Пошелъ Иванъ въ клинъ, принесъ горшокъ съ молокомъ, поставилъ кисель и молоко на столъ, посадилъ за столъ старика и старуху, самъ тутъ же сѣлъ и давай кисель упisyвать. Всѣ такъ наѣлись, что бока прочь. Отдали старики Ивану сто рублей деньгами, да еще спасибо ему сказали. Пошелъ онъ дальше.

Дошелъ Иванъ опять до избы. Заходить въ нее, а въ избѣ такой дымъ, что глядѣть нельзя; хозяева бѣгаютъ по избѣ съ рѣшетами въ рукахъ и дымъ изъ избы выносить. Гладить, глядѣть Иванъ и говорить: «кабы вы дали мнѣ сто рублей, такъ этакъ бы не бѣгали; я бы вамъ все устроилъ». Начали хозяева просить Иванушку сдѣлать имъ по своему; дали ему сто рублей, только бы напредъ не бѣгать; напоили и накормили его и всѣмъ надѣли. Иванъ взялъ топоръ и прорубилъ у самого потолка дырку; дыму сразу не стало и всѣ остались довольны его выдумкой.

Идеть Иванъ съ денежками дальше, дошелъ до богатаго дома; въ домѣ томъ жилъ важный баринъ, а около барскаго дома гуляла свинья. Вотъ схватилъ Иванъ свинью за шею и началъ ее душить. Свинья завизжала. Услыхалъ баринъ свиной визгъ и закричалъ своимъ слугамъ: «бѣгите скорѣе, узнайте, о

чемъ моя свинья пищить». Увидаль Иванъ слугъ и сталъ около свиньи похаживать и кланяться ей, приговаривая: «свиньюшка пестра, моему сыну крестна, пожалуй ко мнѣ въ гости». Слуги, спросили Ивана, что онъ свиньи наговариваетъ. Иванъ въ отвѣтъ имъ: «да вотъ зову ее въ гости, къ крестнику на свадьбу — въ свахи, да не идетъ, говорить не въ чемъ». Слуги рассказали объ этомъ барину, а тотъ велѣлъ дать свиньѣ хорошее шелковое платье. Спарили свинью въ это платье, но оно оказалось ей тѣсно. Свинья опять заверещала: ви-и-и-и, ви-и-и-и! — Чего ей еще надо, кричитъ баринъ.— Да вотъ, говорить Иванъ, идти не можетъ, больно толста, лошадей просить. — Дать ей пару самыхъ лучшихъ лошадей, распорядился баринъ.— Вывели что ни на есть пригожихъ лошадей. Иванъ все не уходитъ отсюда. Все вокругъ дома ходить, свиньѣ кланяется и ее подтыкиваетъ, а той это не любо, она визжитъ: ви-и-и-и, ви-и-и-и! Наскучило барину слушать этотъ шумъ, и онъ опять закричилъ: — чего ей еще надо? — Да вотъ, говоритъ Иванъ, просить она барского благословенія на дорогу и денегъ сколько-нибудь.— Дать ей двѣсти рублей и пускай убирается. Иванъ радъ-радехонекъ: забралъ все, что дали свиньѣ, сѣль на лошадей и рѣшилъ: «идти мнѣ-ка теперь къ отцу, къ матери. Есть на свѣтѣ люди еще глупѣе, еще дурнѣе ихъ». Какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ — онъ воротился домой. И живутъ теперь все они вмѣстѣ, да поживаются и добра наживаютъ.

Молодая старуха.

Старикъ-иней тѣ, старикъ-иней. Кувинъ тай, кувинъ, колинъ тай менэ, колинъ. А ме кыдзъ мэдэчча, кыкъ-ота ернэсъ пасьтава чѣчкомъ, сизимъ-ота дубасъ вэзъ пасьтава, сѣра чувкиэзъ кэмава, да сѣдъ чарки кэмава, шутемъ-кузясь котэрта, кэзъ увтасъ сутышта, кыдзъ шутнёвта, моводяжысъ ме дынэ вѣтасэ; ме эть кокэсъ мыччишта, мэдъ кокэсъ мыччишта-яўя чайтэны нывка, а то инька.

Свободный переводъ. Эхъ, старикъ ты мой, старикъ, напрасно ты умеръ и меня оставилъ. Возьму-ка я стиаряжусь: одѣву рубаху въ двѣ полосы, а сивій дубасъ въ семь полосъ, на перекосъ шеи надѣну платокъ, а на ноги пестрые чулки и черные башмаки. Да какъ побѣгу я по шутму, какъ подъ елочку-то встану, изъ подъ нея какъ свисну — молодяжки-то (молодые ребята) ко мнѣ и прибѣгутъ. Я имъ какъ покажу одну ногу, какъ покажу другую, такъ они и подумаютъ, что я — дѣвка, а не баба.

Эта побасеночка единственная, какую я могъ достать на пермяцкомъ языкѣ. Такихъ побасенокъ есть, конечно, много, но все они черезчуръ свободны и, поэтому, для печати не пригодны.

Далѣе слѣдуютъ двѣ присказки, почти всегда употребляемыя не передъ сказками, какъ это дѣлается у насть, напримѣръ: «по усамъ текло», а послѣ сказокъ. Присказки говорятся однѣ сказочниками, а другія сказочницами. Вотъ какъ заканчиваетъ свои слова балагурь-сказочникъ: «И я тутъ былъ, медь и пиво пилъ, по усамъ бѣжало, а въ ротъ не попадало. Дали мнѣ штаны полосами, кафтанъ да колпакъ и стали въ двери толкать. Я выскочилъ и побѣжалъ, а тутъ летятъ птицы, кричать: «штаны полосами, штаны полосами! А я думаю: въ штанахъ-то поросята, въ штанахъ-то поросята. Бѣгу дальше, а птицы летять и кричать: «синь да хорошъ, синь да хорошъ! А мнѣ слышится: скинь да положь, скинь да положь. Вотъ сбросилъ я съ себя штаны, снялъ кафтанъ, положилъ ихъ подъ кокору, да и теперь знаю подъ катору». Такъ заканчиваетъ мужчина, а женщина варіируетъ тоже въ нѣсколько иномъ видѣ: «И я тутъ была, пиво-медь пила. Дали мнѣ синій дубасъ, рубаху полосату; дали шлыкъ. Я въ подворотню—швыркъ. За воротами дали лошадку ледяную, плетку съмянную, а седѣльце гороховое. Ъхала, ъхала, увидала пожаръ. Поставила лошадку съ сѣдломъ и съ плеткой къ огороду. Вотъ на пожарѣ мнѣ кричать: «рубаха полосата, рубаха полосата!» А я думаю: въ рубахѣ-то поросята, въ рубахѣ-то поросята. Кричать въ двугорядѣ: «дубасъ синь, да хорошъ; дубасъ синь, да хорошъ! А я думаю: дубасъ скинь, да положь; дубасъ скинь, да положь. Рубаху я бросила, дубасъ скинула и побѣжала. Побѣжала къ лошадкѣ, а она-то и разстаяла. Посмотрѣла на плетку, ее-то воробы расклевали, а гороховое сѣдло вороны на гнѣздо уташили. Такъ я не причемъ осталась».

Въ такомъ же духѣ можно найти нѣсколько другихъ присказокъ. Въ общемъ, всѣ онѣ похожи другъ на друга.

У всѣхъ народовъ пословицы представляютъ житейскую мудрость, облеченнуя въ форму остроумія, а загадки—житейское остроуміе въ формѣ иносказательной. Трудно найти народъ, не имѣюшій на своемъ языкѣ ничего такого, что бы можно было назвать остроумнымъ. Но еще труднѣе, порой, разобраться въ плодахъ житейского остроумія.

Послѣ тщательнѣйшаго разбора такого этнографического материала представляется возможнымъ изъ пермѧцкихъ пословицъ, поговорокъ и загадокъ выбрать только нижеслѣдующія.

Изъ пословицъ большею частью великорусскихъ (характерно, впрочемъ, перековерканныхъ):

Будливой коровѣ Бокъ рога не даетъ.

Сытый говодново не разумѣть.

Дальше повожишь—ближе возмешь.

Старая собака не ваетъ на пустое дерево.

Кривое дерево не спримишь, звово чевовѣка не выучишь.

Звому чевовѣку кошкой въ газа не скочишь.
Колды сокъ падаетъ, толды и сочись.
Колды кипить, толды и вари.
Скоро идешь, ближе будешь;тише идешь, дальше будешь.
Пвоко лежитъ, брюко болитъ.
Пвоко не квади, вора въ грѣкъ не вводи.
Съ вовками жить—по вовчий выть.
Рыба ишшотъ, гдѣ гвубже, а чевовѣкъ—гдѣ вучше.
Осенью по полью кодить—пирогомъ кормить, весной по полью кодить—
стягомъ бить.

У говоднаго клѣбъ на памети.
Береженова Бокъ бережетъ.
Нѣтъ женика—не пойдешь за быка.
Не смійся горокъ надъ бобами, самъ наваляеша подъ ногами.
Не смійся горокъ—не бѣлѣе зубовъ.
На чужи сани не садись.
Не знаешь броду, не суйся въ воду.
Два медвѣдя въ одной бервогѣ не уживутца.

Изъ загадокъ:

И ночь и день старый чевовѣкъ мясо крошить (лучина горитъ).
Воробей бѣжитъ, кровью... испражняется (лучина горитъ).
Что въ избѣ красиво? (образъ).
Что на спичку не повѣсишь? (яичо).
Что къ стѣнѣ не привалишь? (дорогу).
Сидить баба на яру, рошщеперива дыру (ковшъ надъ мельничнымъ жерновомъ).

Двѣ сестры однимъ поясомъ подпоясались (колья въ изгороди).
Чотыре брата однимъ пваткомъ покрылись (столъ).
Гнѣздо новное заперто бѣвыкъ куричъ (зубы).
На краю повки медвиде кувакъ (солонка).
По стѣнѣ ремень растянулся (мохъ въ пазахъ бревенъ).
На уличѣ рогато, въ избѣ безрого (уголь).
Запвотъ развомашь, квадешь, квадешь, не можежъ сквасить (штепанная лучина).

На старушкѣ-то спотѣу, да на дѣвку захотѣу, а на дѣзкѣ-то озябъ, да на старушку-то назадъ (чечь и полати).

Еслибы не дѣдушковъ шунгюкъ, то бы заросла у бабушки шунтя-мунтя (замокъ).

VI.

Лечеиіе пермяковъ.—Народныя снадобы.—Заговоры.—Цѣлебная елаа бани.—Зубная болъ.—Лечеиіе больного въ избяной печи.—Средство «очиститься отъ суда».—Стрижка ногтей.—Подмытие бѣсомъ дѣтей.—Муравьиный настой.—Земляное масло.—Отрубленный палецъ.—Болѣзнь — обезиженіе и лѣчение ея (мыльная вода послѣ покойника).—Вытравленіе плода (снадобы, механическіе приемы, спорынья, разминаніе живота).—Рѣзунъ трава (вспомог. средство для воровъ).—Средства для защиты отъ воровъ (челпанъ, плакунъ).—Затворъ колдуна.—Состязаніе колдуновъ.—Текстъ заговоровъ.—Примѣты.

Какъ только въ пермяцкой семье кто-нибудь заболѣлъ, ему для исцѣленія даютъ то или другое изъ всѣхъ пзвѣстныхъ народныхъ снадобій или же зовутъ захаря-вѣжливца. Снадобы, какъ даваемыя самими домохозяевами, такъ и вѣжливцами, имѣютъ въ массѣ случаевъ решающее значеніе. Оно и неудивительно. Вѣдь иной разъ даютъ напр. супу и мышлякъ въ большихъ дозахъ: всѣ измѣренія производятся на глазомѣръ.

Кромѣ лѣчебныхъ снадобій, у пермяковъ имѣется множество заговоровъ. Вотъ иѣсколько наиболѣе употребительныхъ изъ нихъ. Когда пермяку случится порѣзаться или наколоться до крови, то ему рекомендуется слѣдующій заговоръ «крови»: «Въ роту не вода, въ роту не капли, какъ земля крѣпится, небо вертится, такъ же крѣпись кровь отъ раба человѣка (мя рѣкъ). Стоонись, крѣпись, становись, крѣпись. Человѣкъ изъ булатного камня, а кровь будь крѣпче булатного камня. Аминь на аминь, какъ мать поставила, такъ же будь по старому». Еслибы, этотъ заговоръ, паче чаянія, не помогъ, а скорѣе повредилъ, то имѣется слѣдующій и уже самовѣргнѣшій: «Шла баба по рѣчкѣ, вела быка по ниткѣ. Нитка порвалася — кровь пролилася. Стану я на камень, кровь моя не канеть. Кровь закрѣпился, будь моя молитва крѣпка и лѣпка. Ключъ мой становися. Аминь». При посредствѣ заговора можно избавиться и отъ такой болѣзни, какъ кида. Вотъ заговоръ противъ нея. «Отъ раба человѣка (мя рѣкъ), отъ бѣла тѣла третью сердце, третья кровь. Какъ Иля провокъ милостивый громомъ гремитъ, огнемъ палить — по землѣ очищаетъ, также очисти нечистый духъ — нечисту силу болѣзнь съ громомъ огненнымъ. Отъ 77 жвлъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Сторонись, крѣпись; становись, крѣпись, какъ мать поставила, такъ же будь по старому. По всѣмъ тѣламъ, по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ внутрамъ, по всѣмъ ребрамъ, по всѣмъ суставамъ, отпускаемы крѣпкія слова, крѣпкіе заговоры, Божественные слова, Божественные заговоры; нечистый духъ, нечистая сила — въ болѣзняхъ хитрость-мудрость и какъ росла выросла, также сохни высыхай. Вода мутна, вода копна, вода пробѣгшая, какъ вода проходитъ по рѣкѣ, также проходи нечистый духъ, непріятна сила».

Всѣ заговоры и наговоры главн. обр. продѣлываются въ банияхъ. Въ щѣлебную силу бани пермяки вѣрятъ слѣпо и, быть можетъ, благодаря этому безукаризменно гигиеническому средству, они еще не всѣ вымерли. Заболѣвать малютка и бабушка живо истощить баню, куда тащить его. Тамъ, разогрѣвъ вѣничекъ, она шарить дитя, приговаривая одинъ изъ урочныхъ заговоровъ: «Господи благослови. Дай Господи здоровья всѣмъ младенцамъ. Баенька, матушка девяностолѣтка. Кто разхитпль и разщипаль и сучья и вершины, тотъ моего младенца сохрани и избавь отъ чернаго глаза, отъ бѣлыкъ глазъ, отъ рыжаго человѣка, отъ худой думы». Не остается бабушка безмолвной и въ то время, когда распариваетъ вѣникъ. Она наговариваетъ на воду: «Господи благослови. Баенька, матушка (батюшька), Соломія бабушка и теплая парушка; парила, гладила, отъ грѣховъ очистила». Кончая заговоръ, та же бабушка приговариваетъ: «Дай, Господи, тебѣ (имя рѣкъ) доброго зодоровья. Всѣ болѣзни останутесь въ темные лѣса, на высокія кочки, въ зыбучія болота, къ старому хозяину. Избави тебя Господи, отъ всякихъ болѣзней и отъ колотья и отъ горячки и отъ шепоты-ломоты; не болите не ломите семьдесятъ семь суставовъ и семьдесятъ семь жилъ». Вѣрять и въ такой урочный заговоръ: «Сердце не радуйся, глаза не глядись. Ты меня не бойсь. Отъ бѣло-глазаго, черно-глазаго и синеглазаго, отъ уроковъ, отъ пороковъ, отъ женскаго полу, отъ маленькихъ ребятъ, отъ долговолосыхъ, отъ русыхъ, отъ бѣлыхъ и отъ всего: будь моя молитва аминь».

Зубную боль лѣчать слѣд. заговоромъ, обращеннымъ къ Антипѣ—зубному цѣлителю. «Стану я рабъ Божій человѣкъ (имя рѣкъ). да перекрещуся, обуюся, да еще перекрещуся, умоюся со святой водой—ключевой; оботруся въ полотенце бѣлое и Господу Богу помолюся. Пресвятой матери Богородицѣ—Антипѣ преподобному. Одѣнуся, да еще переодѣнуся; выйду я за двери и выйду я за ворота подъ частыя звѣзды, подъ красно соляще и подъ свѣтлый мѣсяцъ; пойду я въ восточную сторону. Въ восточной сторонѣ есть океанъ море; на океанѣ морѣ есть островъ; на островѣ стоитъ соборная церква. Въ соборной церкви есть Мать Пресвятая Богородица—Антипа преподобный. Я къ ней пришелъ съ добрыми дѣлами и заповѣдями. Я вамъ покорюся и помолюся: какъ у дерева сукъ сохнетъ и посыхаетъ, также чтобъ сухъ и посыхалъ зубной червь. Пойди за темные лѣса—на сырья болота. Какъ запираются райскія двери на 12 замковъ, на 12 дверей, также остановитесь мои слова крѣпкія—костныя и крѣпче булата. Щука въ морѣ, ключ—замокъ ворту. Во имя Отца и Сына и святаго Духа Аминь». Такъ обр. при посредствѣ подобнаго рода заговоровъ пермяки исцѣляются отъ постигающихъ ихъ болѣзней путемъ, такъ сказать, гипнотическимъ—путемъ вѣры въ лѣчебную силу известнаго проходимца. Когда сила эта оказывается недѣйствительной,

здѣшніе доморощенные лѣкаря и лѣкарки обращаются къ другимъ средствамъ. Напримѣръ, одного изъ крестьянъ лѣчили отъ ревматизма тѣмъ, что запарили больного въ избяной печкѣ до смерти. Въ печку, къ тому, была поставлена корчага костей ради полученія изъ нихъ костяного дегтя. Лѣкарка, въ оправданіе неуспѣха лѣченія, положительно ссыпалась на то, что больной, выходя изъ печи, переступалъ ногами не «благословесь», почему нечистый духъ «напустился» на него снова, а такъ какъ молитва дѣвы разсердила этого нечистаго духа, то онъ и набросился на мужика съ болѣшимъ ожесточеніемъ. Врагъ отбилъ у него ральникъ (ляжку—бедро) и напустилъ на него хворость, твердила лѣкарка.

Чтобы очиститься отъ суда надо только завести: библію, черную магію и перевернуть ихъ на другую сторону. Будто бы очень помогаетъ и разжеванный печенный хлѣбъ; его только слѣдуетъ посолить возможно круче и держать въ рукѣ или за пазухой. Само собой разумѣется, средство будеть дѣйствительныѣ, если тотъ же хлѣбъ заговорять. Во всякомъ случаѣ, каждому, кто идетъ въ судъ, необходимо знать, что въ порогъ присутственнаго мѣста слѣдуетъ пнуть три раза. И вообще во всемъ жизненномъ обиходѣ надо знать подходящіе способы. Напримѣръ, стричь ногти можно, по съ тѣмъ, что ихъ необходимо прятать за собственную пазуху, такъ какъ они пригодятся каждому при подъемѣ на райскую гору.

Пермяки вѣрятъ въ силу бѣса, что онъ будто бы можетъ обмануть у нихъ ребенка. Противъ этого придуманы особыя мѣры. Здѣсь известенъ такой случай. Ребенокъ, родившійся здоровымъ, захворалъ, значить бѣсъ подмѣнилъ ребенка болѣымъ (собственно чертенкомъ). И вотъ бабушки голого ребенка положили на лавку, покрыли его корытомъ и, затѣмъ, стали рубить сѣчками по дну корыта. Потомъ онъ переложили ребенка въ люльку и ушли изъ хаты, будучи увѣрены, что въ ихъ отсутствіи бѣсъ возьметъ обратно своего бѣсенка и возвратить похищенаго ребенка: ни одинъ бѣсъ не позволитъ жить своему «рубленому ребенку», такъ какъ такой ребенокъ не только не принесетъ бѣсу никакой пользы, а даже можетъ повредить общему бѣсовскому дѣлу. Бываетъ иногда, что бѣсъ, возвративъ ребенка, потомъ уморить его. Чтобы не произошло послѣдняго, надо ребенка на другой день заговорить. Въ описываемомъ случаѣ ребенокъ началъ поправляться. Когда спасеній, такъ обр., ребенокъ выростаетъ, онъ можетъ стать знаменитымъ колдуномъ, такъ какъ хорошо известенъ чорту. Изрѣдка, при подмѣнѣ ребенка бѣсомъ, послѣдняго заставляютъ совершить размѣнъ, причемъ засаживаютъ датя часа на два-на три въ печку. Если послѣ этой операциіи ребенокъ умираетъ, значитъ это было не человѣческое дитя, а самый настоящій чертенокъ и жалѣть объ немъ

трехъ. Куда въ этихъ случаяхъ дѣвается настоящее лягушка, пермяки объяснять не могутъ.

При наружныхъ, отчасти и внутреннихъ болѣзняхъ пермяки охотно употребляютъ муравьиный настой. Онъ изготавливается такъ: берется обыкновенная тонкогорлая стеклянная бутылка, внутреннія стѣнки которой обмазываются чѣмъ-нибудь съѣдочнымъ. Затѣмъ, бутылка эта вкладывается въ муравейникъ такъ, чтобы горлышко ея приходилось на уровень самого муравейника. Потревоженные муравьи начинаютъ сновать по своей кучѣ, падаютъ и заливаются въ бутылку, а колдунъ терпѣливо ждетъ, пока ихъ не набѣзетъ туда столько, сколько ему надо. Бутылку несуть домой, наливаютъ въ нее немного водки и ставятъ на теплую печь. Здесь бутылка остается до тѣхъ поръ, пока все муравьи отъ дѣйствія тепла и вина не разойдутся (не разложатся). Приготовленный такъ обр. настой идетъ на излѣченіе многихъ болѣзней: ревматизма и водянки, въ особенности. Пермяки еще ищутъ въ муравейникахъ муравьевое масло, какъ излѣчивающее многія болѣзни, но что-то не слышно ни одного колдуна, у которого бы оно было.

Отъ многихъ болѣзней — убѣждены пермяки — помогаетъ также земляное масло. Достать его терпѣливому человѣку труда не представляется. Въ каждомъ лѣсу растетъ немало грибовъ съ шляпкой, опрокинутой не книзу, а къ верху, т. е. воронкообразныхъ. Въ чашечкѣ такихъ грибовъ находится слизь. Вотъ эта-то слизь и есть земляное масло — «му-ви».

Лѣчить человѣка, помочь ему, считается у пермяковъ дѣломъ благороднымъ и поэтому противъ всякой болѣзни только стоитъ слово сказать, какъ насовѣтуютъ вамъ массу самыхъ разнообразныхъ и, будто бы, самыхъ радикально дѣйствующихъ средствъ. Чѣмъ средство Ѣдкостнѣе, чѣмъ отъ него сильнѣе достается человѣку, тѣмъ оно излюбленнѣе. Выносливость пермяковъ относительно боли физической прямо-таки поразительна. Сильно болѣть, напр., у крестьянина зубъ. И вотъ большими кузнецными желѣзовыми щипцами надѣливый зубъ больнымъ собственноручно такъ стиснуть, что не только зубъ, но даже десна расплющилась. «Свѣту не ввидѣлъ» операторъ, но боль перенесъ и на операцию рѣшился. Такое же пренебреженіе къ физическимъ страданіямъ замѣчается и при разнаго рода пораненіяхъ, порубахъ и т. п. несчастьяхъ. Если случается пермяку отрубить себѣ палецъ, то таковой, по его мнѣнію, слѣдуетъ сохранить, а отнюдь не бросать. Палецъ этотъ пригоденъ для пермяка въ тѣхъ случаяхъ, когда ему придется что-либо украсть или онъ задумаетъ ограбить кого-нибудь. Имѣя такой палецъ, можно идти въ любой домъ. Положивъ его, а не то и мертвую руку, на окно дома и бери себѣ, что нравится: никто этого не услышитъ и не увидитъ. При этомъ надо имѣть въ виду еще одно обстоятельство: такой палецъ или руку надо заговорить.

Среди пермяковъ часто встречается какая-то болѣзнь, выраженіемъ которой является обезноженіе. Многіе изъ пермяковъ увѣряютъ, что оно проходитъ отъ колдовства. «Только выпилъ рюмку водки отъ такого-то, какъ хватило меня за ноги, такъ съ тѣхъ поръ все хуже и хуже», слышится иногда ропотъ пермяка. Обезноженіе доводитъ пермяка до такого состоянія, что онъ можетъ передвигаться только на четверенкахъ, волоча за собою совершенно неподвижныя отъ колѣнъ ноги. Иной разсказываетъ, что обезноженіе случилось у него отъ средствъ и разныхъ лѣкарствъ, приготовленныхъ имъ самимъ (иногда и колдунами) и принятыхъ передъ солдатчиной, для избавленія отъ нея. Такимъ средствомъ считается, между прочимъ, вода, разведенная мыломъ, которымъ обмывали покойника. Пермяки увѣряютъ, что человѣкъ, выпившій такого снадобья, чернѣеть, сохнетъ и становится неспособнымъ къ военной службѣ. Чтобы было не слишкомъ противно принимать такую воду, предварительно надо напиться до совершенного опьяненія. А то недугъ обезноженія приписываютъ излишнему употребленію браги. Вѣдь въ нее для большой хмѣльности нерѣдко кладутъ такія снадобья, какъ коканъ (чемерицу), листовой табакъ и др.

Отъ болѣзни этой, какъ и отъ многихъ другихъ не лѣчатся, да и вообще, хотя къ докторамъ иногда обращаются, имъ, въ тоже время, не вѣрятъ. Ни одинъ пермякъ не скажетъ доктору причинъ заболѣванія, не откроетъ ему своего житья-бытъя. Угадаетъ докторъ—хорошо; значитъ, онъ дѣльный, понимающій человѣкъ; не угадаетъ, значитъ, онъ самъ ничего не знаетъ, а только народъ морочить. Пермяки цѣнятъ доктора гл. обр. за то, что онъ умѣеть помочь бабамъ во время родовъ лучше, чѣмъ бабушка, и еще за операциі. Что же касается всего другого, такъ тутъ познанія докторовъ—разсуждаютъ пермяки—слабы, напр. докторамъ даже кикиморы не выгнать, а это сдѣлаетъ у насъ каждый колдунъ. Такое докторское незнаніе явно обличаетъ въ нихъ незнакомство ихъ съ нечистой силой, а не зная ея, развѣ же можно, по мнѣнію пермяка, браться за лѣченіе народа.

При страшной нравственной распущенности пермяцкаго населенія чувство стыдливости однажды развито у пермяцкихъ дѣвушекъ. Это, въ данномъ случаѣ, ложное чувство заставляетъ ихъ пользоваться только любовью и избѣгать долга, съ нею сопряженного—беременности. Среди общей массы пермянокъ дѣла о вытравленіи плода ничтожны, но способы, нерѣдко примѣняемые для этого разнообразны. Вытравливаніе плода чаще всего производится бабушками-повитушками и преимущественно у первозабеременныхъ, такъ какъ повторно забеременные, боясь суда и поступившіяся уже разъ чувствомъ стыда, а также ближе познакомившись съ чувствомъ материинства, рѣдко прибегаютъ къ этому средству. Вытравливаніе производится двумя способами: при посредствѣ приема снадобій и при посредствѣ способовъ механическихъ. Къ первымъ необходимо

отнести: порохъ и селитру. Какъ первый, такъ и вторая употребляются въ видѣ растворовъ и пьются въ винѣ. Абортъ слѣдуетъ вскорѣ за приемомъ, но всегда сопровождается обильнымъ кровотечениемъ, влекущимъ за собою въ весьма многихъ случаяхъ смерть матери, иногда же потеря крови лишь весьма обезсиливаетъ мать. Оба эти средства популярны и употребляются не только дѣвушками, но и тѣми бабами, которымъ надоѣло рожать. Въ почетѣ также спорынья. Ее ёдятъ прямо въ зернѣ или же толкнуть и пить въ видѣ порошка. Въ послѣднемъ случаѣ чаще всего ее пьютъ въ брагѣ. Немало лицъ совершаютъ абортъ при помощи особой травы, называемой у пермяковъ «выживательницей брюха». Къ числу способовъ механическихъ нельзя не отнести разминаніе живота. Оно причиняетъ беременной страшные страданія и, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собой смерть не только ребенка, но и матери. Установить фактъ вытравливанія, пока, возможно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда беременница осталась жива; иначе—лишь констатировать причину смерти, такъ какъ никто изъ дѣвушекъ и женщинъ не скажетъ про свое лѣченіе никому изъ родни изъ чувства стыдливости или по чувству страха: «а вдругъ выздоровѣю, да меня за это на судъ потащать и дома-то за хлопоты поколотять».

Въ травахъ пермянки ищутъ помощи не только отъ болѣзней, но и отъ разныхъ другихъ бѣдъ, которыя приключаются какъ у скота, такъ и по «домашности». Къ числу послѣдняго рода бѣдъ надо отнести крайне распространенную у пермяковъ жажду поживиться на чужой счетъ. Если у кого-нибудь зудъ въ рукахъ развился на столько сильно, что—крѣпись не крѣпись—воровать все же надо, тогда остается достать «рѣзунъ траву». Эта трава будто бы обладаетъ даромъ открывать всѣ замки и двери. Обладателю ея не страшны никакія крѣпи. Нѣкоторыя трудности представляютъ умѣніе различить среди другихъ травъ эту дотолѣ невидѣнную траву. Достать ее можно только слѣд. способомъ. Ищущій траву находитъ въ лѣсу дупло, въ которомъ у дятлей выведены дѣти, и, спрятавшись не по-далеку, ждетъ, когда улетитъ дятликъ за кормомъ для дѣтей. Какъ только онъ это замѣтилъ, поскорѣе лѣзетъ къ дырѣ, ведущей въ дупло, загоняетъ въ нее деревянный гвоздь, слѣзаетъ съ дерева и прячется на прежнее мѣсто. Вскорѣ съ кормомъ для ребятъ прилетитъ самка; увидавъ, что входъ закрытъ, она поспѣшно улетитъ куда-то и, затѣмъ, возвращается съ травкой во рту. Какъ только приложитъ она эту травку, гвоздь выпадаетъ. Тогда дятелъ травку эту, какъ ненужную, выбросить на волю. Вотъ тутъ-то и нельзя зѣвать: кто найдетъ ее—тому счастье: ни одинъ замокъ не оставовитъ его, ни одиѣ пѣши не удержать. Конечно, въ лѣсу травъ много, можетъ быть, достанется и не та, что «рѣзуномъ» прозывается, но первые же опыты обнаружатъ подлинность этой травы. Если вору замки не только не поддаются, но онъ бываетъ даже пойманъ, значитъ, у него припасенъ не «рѣзунъ».

Извѣстны средства, употребляемыя въ защиту отъ всячески исхищренныхъ воровъ. Вотъ одно изъ, будтобы, вѣрнѣйшихъ. При похоронахъ сопровождающіе ихъ берутъ съ собой «челпанъ», который бросается первому встрѣчному. Если пермяку счастье поблагопріятствовало и ему челпанъ достался, то долженъ скорѣе взять его, откусить только одинъ разъ и принести его домой. Приэтомъ необходимо, однакоже, хранить полнѣйшее молчаніе. Кто бы ни встрѣтился и чтобы ни случилось—ни слова, ни звука. Хозяйка такого пермяка должна разрѣзать челпанъ на кусочки и высушить ихъ на сухари. Стоить мѣшечкъ съ этими сухарями повѣсить подъ крышей дома и ни одинъ воръ не обокрадетъ его. Какъ только войдетъ воръ, хоть бы и съ «рѣзуномъ травой», такъ у него руки опустятся. Воръ сейчасъ же пойметъ, что это мѣсто отъ воровства свято и уйдетъ, ничего не тронувъ. Иначе, хозяева проснутся во-время и изловятъ вора.

Послѣ «рѣзуна» одною изъ наиболѣе употребительныхъ травъ считается трава «плакунъ». Она растетъ въ прудахъ и озерахъ. Найти плакунъ можно только случайно. Одинъ изъ колдуновъ нашелъ траву, рыбачничая въ заводскомъ пруду. Закинулъ разъ-другой мережу и вытащилъ, вмѣсто рыбы, лоша-динарный черепъ; изъ этого черепа, во всѣ стороны, словно свѣчки восковыя, тянулись какія-то штуки. Рыбакъ разбилъ черепъ и нашелъ въ немъ корень травы «плакуна». Мужичекъ, добывшій плакунъ, употребляетъ эту траву противъ колдуновъ, которые, поэтому, боятся его, какъ чорта, а также для излеченія отъ цѣлаго ряда болѣзней. Плакунъ обыкновенно вшивается въ ладонку, вмѣстѣ съ воскомъ, ладономъ, при самыхъ завѣтныхъ напечтываніяхъ. Самая ладонка привѣшивается къ обыкновенному тѣльному кресту. Околдовать владѣтеля такой ладонки не можетъ ни одинъ самохитрѣйшій колдунъ. Никакой злодѣй не страшенъ никому подъ защитой ладонки: она охранитъ и сбережетъ его ото всего злого. Кроме того «плакунъ» можетъ быть употребленъ для «затвора колдуна». Стоить, въ данномъ случаѣ, владѣльцу талисмана, какъ только прошелъ черезъ двери въ его избу подозрительный человѣкъ, потихоньку снять ладонку вмѣстѣ съ тѣльнымъ крестомъ и обыкновенный хлѣбный ножъ воткнуть въ дверной косякъ, а на него повѣсить ладонку и крестъ: ни за что колдуну не выйти въ двери. Весь онъ тогда во власти обладателя «плакуна». Пойдеть такой человѣкъ къ дверямъ, а тамъ «плакунъ» не пускаетъ его, и вотъ начнетъ его всячески корчить, по полу бросать до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ «плакуна» не скажется надъ колдуномъ и не сниметъ свой талисманъ. Разумѣется, за это съ колдуна можно выговорить сороковку-другую. Если же иной утверждаетъ, что онъ колдунъ, а между тѣмъ, несмотря на повѣшенную ладонку, изъ дома выйдетъ, то, значитъ, онъ вовсе не колдунъ, а простой обманщикъ, какихъ развелось теперь не мало.

Колдовство—дѣло не простое и имъ сразу не овладеешь. Для этого кол-

дуvu надо многое узнать и перенести. Настоящій колдунъ, или «матка», по мнѣнію пермяковъ, только тотъ, кто прошелъ сквозь пасть «лягушки-матки». Сама лягуша-матка выходитъ изъ воды не зря, а только по вызову старого колдуна. Старого и заправского колдуна лягуша-матка всегда слушается, и стоитъ ему назначить баню, въ которую ей надо явиться, она непремѣнно придетъ туда. Ровно въ полночь двери, назначенной для встречи лягушки, бани открываются и въ нихъ появляется преогромнѣйшая лягушечья пасть. Въ эту пасть колдунъ долженъ войти и сквозь нее пройти, если онъ хочетъ стать заправскимъ колдуномъ. Лягуша-матка тоже не проста. Желая испытать твердость новичка, она отступаетъ къ самой каменкѣ: вльзъ-ка, моль, такъ вльзешь въ каменку. Только особенно сильные духомъ проходятъ сквозь пасть лягушки-матки, причемъ прошедшіе и становящіе съ этихъ поръ настоящими колдунами, иногда, какъ они утверждаютъ, проходить такъ, что нигдѣ за лягушину утробу не зацепляются—такіе, конечно, чутся больше. Говорятъ, что и послѣ лягушечьей пасти надо испытать кой-что, напр., залѣзть въ воду и выйти изъ нея сухимъ. Въ данномъ случаѣ колдуна идутъ на встречу колючіе ерши, громадныя коровы водяного (не дойныхъ). Всѣ они стараются по силѣ возможности вредить колдуну. Но тотъ, кто пройдетъ воду, можетъ смѣло идти въ водяные разбойники—грабить суда и проч. Вообще, кто прошелъ воду, тотъ пріобрѣтаетъ рѣдкій даръ сокращенія дорогъ; ему можно идти и по водѣ. Теперь тѣ же ерши и коровы поддержать его, какъ одного изъ своихъ начальниковъ.

Въ пермѧцкомъ краѣ нерѣдко можно слышать фразу: онъ захворалъ оттого, что перешелъ по дорогѣ въ то время, какъ состязался въ силѣ (въ знаніи) колдованія съ такимъ-то (кэръ этшасисэ тэдисъезъ). Фраза эта подтверждаетъ, что и сами колдуны признаютъ себя неравносильными, и слабѣйшіе отчаянно боятся сильнѣйшихъ. Пермяку надо быть слишкомъ самоувѣреннымъ, чтобы вызвать какого-нибудь известнаго вѣдуна на состязаніе. Самое состязаніе состоится изъ чтенія разнаго рода заговоровъ, бросанія другъ въ друга зажженными спичками, въ маханіи кисетами съ громовою стрѣлою и, чаще всего, заканчивается свирѣпой потасовкой, послѣ которой побѣдитель, тяжело отдуваясь, садится на лавку и шлетъ оттуда ругань, а поколоченный спѣшитъ удалиться домой.

Мнѣ удалось выманить у одного изъ колдуновъ-побѣдителей тетрадку съ тѣми заговорами, при посредствѣ которыхъ онъ одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ. Тетрадка состояла изъ слѣд. заговоровъ, будто бы, отвращающихъ разныя бѣды и напасти. Отъ лихорадки. «Встану я, рабъ Божій (имя рѣкъ), благословясь, пойду перекрестясь изъ двери въ двери, изъ воротъ въ вороты, путемъ дорогой къ синему Окіану-Морю. У этого Окіана-моря стоять дерево Карколистъ; на этомъ деревѣ Карколистъ висять: Козьма

и Демьянъ, Лука и Павель, великие помощники. Прибѣгаю къ вамъ рабъ Божій (имя рѣкъ). Прошу великие помощники Кузьма и Демьянъ, Лука и Павель, сказать мнѣ: для чего же выходять изъ моря-Окіана Женщины простоволосыя, для чего онѣ по миру ходятъ, отбиваются отъ сна, отъ ъды, сосутъ кровь, тянутъ жилы, какъ червь точить черную печень, пилами пилить желтая кости и составы. Здѣсь вамъ не житѣе—не жилище, не прокладище; Гѣстуйте вы болота, Глубокіе озера, за быстрыя рѣки и тем(н)ыя боры: тамъ для васъ кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки перяныя; тамъ яства сахарная, напитки медовыя, тамъ будетъ вамъ жите-жилище, прокладище по сей часъ, по сей день, слово мое раба Божіяго (имя рѣкъ) крѣпко, крѣпко». «Отъ звиху (отъ вывиха). Во имя отца и сына и Святаго духа... здѣсь недѣль на синему Мори лежитъ камень бѣлый, на бѣлому камени кто седить, высажаѣ, изъ животой кости цвѣли выкликая: жовтая кость левовъ духъ: якъ у льву духъ не держится, то щобъ такъ у животой кости раба Божіяго (имя рѣкъ) звихъ не держався. Миколаю угоднику, корый скорый помощнику, Месяцу ясный, князю прекрасный, стань меня у помошь, у первой разъ, у другой разъ, у третій разъ. Амнинъ». «Отъ пушокъ стрѣль, ядеръ, и пулекъ и всякаго оружія и побоища. Взнидіе на гору Господню Господа Нашего Іисуса Христа—со мною, рабомъ божіимъ (имя рѣкъ), и и святого Пророка Претечи и крестителя Господня Іоанна, молитвами святаго Николая Чудотворца, заступите меня, отъ стрѣль и пушекъ: и пушечныхъ ядеръ: стойте и не ходите ко мнѣ рабу божію (имя рѣкъ) и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи—пятисотъ трицать человѣкъ: Молитвами святыхъ Апостоловъ и Молитвами святыхъ отецъ запрещаю вамъ, стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ и пушечнымъ ядрамъ и всякому оружію я, рабъ божій (имя рѣкъ), и моихъ товарищовъ пятисотъ трицать человѣкъ всѣмъ святымъ Молитвами и Апостолами, Архангелами и Ангелами, Михаиломъ, и Гаврійломъ, и со всею Небесною силою, и со всѣми преподобными Отцами, и святыми-священномучениками, которые за Христа Кровь свою проливали, святый Тихонъ..., всякаго супостата; святіе четыре Апостола Іоаннъ, Матвѣй, Марко, Лука, помолитса за меня Господу Богу раба божіяго (имя рѣкъ), и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ. Слава во имя Господне, Господа Нашего Іисуса Христа. Повергни Господь вороговъ Моихъ и супостатовъ въ Окіанъ въ Море и подъ бѣлый камень и каково въ замкахъ Сидѣти крепко, таково было бы слово Христово крѣпко на рабъ божемъ (имя рѣкъ), и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ: коли эти мои нед(р)уги изо дна моря ключи достануть, тогда меня раба божіяго (имя рѣкъ) и моихъ товарищовъ въ заговоренномъ оружіи не образить никакимъ ратнымъ оружьемъ: како не выходитъ, также съ также стрѣлкамъ и пищальнымъ пулькамъ, замыкаю свои приго-

воренные слова замкомъ, а ключь кидаю въ окіанъ море, подъ горючъ камень Алатырь, а какъ морю не высыкатъ, и меня не видать, ключей не доставать, такъ меня пушкамъ не убивать, до моего живота, имъ по конецъ вѣка недоставать». «Противъ ружья стрѣлка идущаго напротивъ или сзади. Нужно сказать ему про себя: это идетъ не стрѣлецъ съ ружьемъ, а попъ съ требникомъ; онъ идетъ не птицъ стрѣлять, а молитву давать». «Противъ Меча и Сабельныхъ ударовъ. Кованъ еси братъ. Самъ сеп оловянъ, а сердце твое вошанное, ноги тво каменые отъ земли до небесъ, не укуси меня песь, отъ ай, оба ема отъ земли кому смотрю ты очима своего брата, тогда убоится твое сердце Молхъ очей усмотренія». «На желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь. Мать сыра земля, ты мать всякому железу, а ты железо поди въ свою Матерь землю, а ты древо поди въ свою Матерь древо, а вы перья подите во свою Мать птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ море, а мнѣ бы рабу (имя рѣкъ) было просторно по всей землѣ. Железо, укладъ, сталь, Мѣдь, на меня не ходите, воротитесь ушами и боками какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому дереву блиско приставать, такъ бы всѣмъ ниможно ни прямо ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы железо, укладъ, сталь и медь вѣртелись бы кругомъ меня и въ меня не падали, а тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будь мой приговоръ крѣпокъ и долгъ». «Отъ пищалей, стрѣль п кулачныхъ бойцовъ. За дальними горами есть окіанъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣдный, па томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ, стоитъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, завѣшаетъ и заповѣдаетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ, железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, каменямъ, пищалямъ и стрѣлкамъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ большой завѣтъ: подите, вы железо каменя и свинецъ въ свою мать землю отъ раба (имя рѣкъ), а дерево къ берегу, а перья птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море скройтесь отъ раба (имя рѣкъ). А велить онъ ножу, топору, рогатинѣ, клижалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихими и смирными. А велить онъ не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велить схватить у луковъ тивы и бросить стрѣлы на землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, твердѣе булату, плате и колшакъ крѣпче панцыря и калчуги. Замыкаю свои слова замками бросаю ключи подъ бѣль горючъ камень Алатырь. А какъ подъ замкомъ смычи крѣпки, такъ ион слова крѣпки». «Противъ пищалей стрѣль и всякаго оружія. Есть море железнное на томъ морѣ камень Алатырь, на этомъ камнѣ сидѣтъ мужъ желѣзный царь, высота его отъ земли до небесъ, заповѣдаетъ своимъ желѣз-

нымъ посохомъ на всѣ четыре стороны отъ востока до запада, отъ юга до сѣвѣра, стоять подперши, заказываетъ своимъ дѣтямъ, укладу ли красному и желѣзному каменному и простому и проволокѣ-желѣзу литому, стали и мѣди красной и зеленої, свинцу и олову, чугуну и серебру и ядрамъ полите вы ядра, пушечнымъ ядрамъ не находить,... шустъ же идуть мимо меня. Я рабъ божій (*иия рѣкъ*), и моихъ товарищовъ въ заговорномъ оружіи пятисотъ трицать человѣкъ, всегда, и нынѣ и Присво и во вѣки вѣковъ Аминь». «Противъ войска. Господи. Оружіе на діавола.—Крестъ Твой даль ели намъ трепещеть бо и трясется не Могій взарати на силу его, Яко Мертвя возставляютъ и смерть упразни, сево рады кланяемса Кресту Твоему».

Въ каждомъ изъ этихъ заговоровъ есть своя особенность и общая черта имъ та, что составленіе ихъ восходить ко временамъ сравнительно давнимъ и что всѣ они точно носятъ на себѣ какіе-то слѣды масонства. На это наводятъ слова: мастеръ, карколистъ, алатыревый камень и др.

Разумѣется, роль колдуновъ съ ихъ заговорами гораздо обширнѣе задачъ, направленныхъ на спасеніе и исцѣленіе человѣка. Все, что мы видимъ въ подлунной, все это, въ нѣкоторой степени, подчинено колдуни. Нѣть вещи или предмета, которые бы онъ не могъ испортить или исправить. Напримеръ: въ доселѣ исправной печкѣ сталъ появляться безпорядокъ, она дымить. И вотъ надо прочесть этотъ маленькій заговоръ и печь исправится. «Какъ птица вылетаетъ по воздуху, также вылетай и нечистый духъ, непріятна сила, болѣзнь хитрость-мудрость, по указанному мѣсту; изъ 120 древъ, 120 лѣсінь и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, хитрость-мудрость, по указанному мѣсту». Или: заболѣла лошадь «ногтемъ» (колики) и самое лучшее прочитать надъ нею заговоръ отъ «ногтя»: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ ногтя, отъ коня отъ Егоревскаго, Егорій храбрый, Егорій милостивый, возьми ты желѣзное копье; желѣзнымъ кошемъ тычъ, тычъ и подтыкивай изъ ушей, изъ ноздрей, изъ копытъ отъ печени. отъ почечной, отъ жильной, отъ хвостовой, отъ мозговой, отъ стоячаго, отъ лежачаго и отъ внутренней крестовой, отъ катучаго; вода мутна, вода капна, вода пробѣжная, какъ вода-матушка по рѣкѣ проходитъ, также проходи нечистый духъ, нечистая сила, болѣзни хитрость-мудрость-ноготь». Или, далѣе, холмогорка перестала давать молоко. Надо попробовать прочесть надъ ней нижеслѣд. слова: «Отъ скотинушки, отъ животинушки, отъ одношерстной, двошерстной, троешерстной. Отъ коровушки, отъ матушки, отъ святоласьевской, отъ бѣла тѣла, отъ третьяго сердца, третьей крови, какъ Илья пророкъ милостивый, Петръ и Павель Верховные Апостолы,—громомъ гремить, огнемъ палить, громомъ очищеннымъ, также очисти нечистую силу, нечистый духъ громомъ огненнымъ, отъ 77 жилъ, отъ 77 костей, отъ 77 суставовъ. Счунись, крѣнись, стано-

вись, по всемъ тѣламъ, по всемъ жиламъ, по всемъ внутрамъ, по всемъ ребрамъ, по всемъ суставамъ отпушаемъ крѣпкія слова, крѣпкие заговоры, Божественные слова, Божественные заговоры. Нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость, какъ съ бѣлаго лебедя вода скатывается, также скатывайся хитрость-мудрость нечистаго духа. Непріятная сила болѣзнь хитрость-мудрость отъ 77 жиль, 77 костей, отъ 77 суставовъ, ступись, крѣпись, становись, какъ мать поставила, также будь по старому. Болѣзнь хитрость-мудрость, нечистый духъ, непріятная сила, уходи къ старому хозяину, старой хозяйкѣ. По вѣтру пришла, такъ поди по вѣтру, на пустыя мѣста, за темные лѣса, на болотныя мѣста, на зыбучія болота, куда люди не попадаютъ и какъ вода-матушка по рѣкѣ проходить, также проходи нечистый духъ, непріятная сила, болѣзнь хитрость-мудрость. Аминь на Аминь».

Вліяніе и значеніе всякихъ заговоровъ держатся въ здѣшнемъ краѣ на томъ, что пермякъ весьма суевѣренъ. Онъ вѣритъ, напр., что если захворалъ вечеромъ—помрешь, утромъ—выздоровѣешь. Захворалъ въ Благовѣщенскій день—умрешь, а въ другой какой—выздоровѣешь, а не помрешь. Если ребенокъ рождается въ ущербъ—помретъ, а при нарожденіи луны—живть будетъ, и т. п.

Здѣсь приводятся нѣкоторыя изъ примѣтъ.

Лошадь копытомъ бѣть — къ ведру, ногами переступаетъ — къ дожду.

Собака траву ъѣсть, а кошка блюеть — къ дожду.

Лучина при горѣніи трещить — къ морозу; большой нагаръ на ней — къ теплу.

Лучина сильно дымить — къ снѣгу.

Вороны и гуси купаются — къ дожду.

Гусь на одной ногѣ стоять — къ морозу.

Кошка царапается — къ сильному вѣтру съ сѣвера; спить и прячетъ морду — къ холоду, а поднимаетъ ее вверхъ — къ теплу.

Стоитъ морозъ и начинаетъ пощелкивать — къ теплу.

Ворона кричить на полдень — къ теплу, а на сѣверъ — къ холоду.

Солнце встаетъ и первые лучи бросасть на лѣсъ — къ дожду.

Рыба кровяниста — къ дожду.

Солнце прячется за тучи или галки летаютъ стаями или ласточки рѣютъ — къ дожду.

Курица носомъ о земль стучитъ — къ дожду, а порхается — къ дожду или къ вьюгѣ.

Ночь на Васильевъ день (1 января) звѣздная — малина уродится.

Ночь на сорокъ мучениковъ или въ этотъ день дождь или снѣгъ — будетъ много грибовъ и ловъ рыбы будетъ хороши.

Холодъ въ расцвѣть черемухи — много ягодъ и лѣто хорошее.

Рябины много — лѣто будетъ дождливое.

Сильный первый громъ—хорошій урожай, нѣть—плохой.

Недѣля передъ Свѣтлымъ Воскресенiemъ съ сѣвернымъ вѣтромъ—урожай, нѣть—будетъ плохо.

Много ягодъ на ели (почекъ)—урожай льна.

Иней на бабье лѣто (1 сентября)—хлѣбъ замерзнетъ.

Бабье лѣто хорошее и теплое—осень сухая.

Работать въ Благовѣщеніе—быть несчастью.

Курица клокчетъ утромъ—къ несчастью; того же жди, когда она кричитъ, садясь на насѣсть.

Весь листъ по осени съ березъ опадъ—годъ тяжелый; если нѣть—легкій.

Деньги въ землю прятать—къ потерѣ.

Встрѣтить, при путешествіи, кого-нибудь съ деньгами, пересѣкающимъ дорогу—потерять деньги.

Утирать руки мѣшкомъ—быть ногтѣду.

Встать утромъ и сразу не умыться—насморкъ получить.

Отдать въ люди парное молоко—испортить его у коровы.

Дать хлѣбъ взаймы до солнца—обѣднѣть.

Первая встрѣча не мужикъ, а баба или дѣвка—не къ добру.

Первая встрѣча свинья или возъ съ хлѣбомъ—къ добру; попъ—плохо.

Гдѣ въ Благовѣщеніевъ день тучи идутъ—быть на томъ мѣстѣ граду.

Встать на мѣсто, гдѣ баба ухватомъ повертела—восчу (мучительная болѣзнь) получить.

Если изъ этого малаго перечня примѣтъ исключить примѣты метеорологіческія и сельскохозяйственныя, то на долю пермяцкой мудрости останется совсѣмъ немногого.

Неудивительно, что среди столь суевѣрныхъ и довѣрчивыхъ пермяковъ можетъ поселиться, подъ видомъ лѣща, отъявленный мошенникъ, съ безумною наглостью обирающій народъ (напр., известенъ фактъ появленія въ 80 гг. прошлаго вѣка Чердынского крестьянина).

VII.

Исторический эпизодъ (1860 г.) изъ жизни инвенскихъ крестьянъ. — Манифестъ 19 февраля 1861 г.—Ликование крестьянъ по этому поводу.—Составъ служащихъ въ управлениі имѣніями гр. Строгановыхъ. — Причины, вызвавшія недоразумѣнія и волненія крестьянъ.—Умиротвореніе волненій и стоимость ихъ.

19 февраля 1861 года, по могучему слову Царя-Освободителя, вышли изъ крѣпостной зависимости и крестьяне Ивенского края. Радость ихъ была неописуема. Впрочемъ, должно замѣтить, что этимъ крѣпостнымъ крестьянамъ жилось у послѣдней ихъ владѣлицы, графинѣ Н. П. Строгановой, весьма хорошо. Это была въ высшей степени гуманная, добрая и умная женщина, и память о ней до сихъ поръ чтится пермяками. Высочайшій манифестъ былъ объявленъ крестьянамъ Ивенского края въ мартѣ мѣсяцѣ приставомъ Юдинымъ, въ присутствіи управлявшаго Ивенскимъ окружнымъ правленіемъ В. Ф. Гилева. Въ частности, въ с. Егвинскомъ объявленіе произошло 14 марта, въ 5 ч. вечера. После прочтенія манифеста слышались въ народѣ возгласы: «наконецъ-то, теперь мы—царскіе». Народъ устраивалъ шумные овации приставу и управляющему. Словомъ, заря свободы засвѣтилась такъ ярко, была привѣтствована такъ радостно, что никому и въ голову не приходило, что можетъ вскорѣ грянуть буря и разразиться волненіемъ тѣхъ крестьянъ, которые такъ недавно привѣтствовали, въ лицѣ управляющаго, свою добрую помѣщицу ¹.

Виновниками описываемыхъ волненій были не инвенские крестьяне, понесшіе за нихъ тяжкую кару, а служащіе въ управлениі имѣніями гр. Строгановой. Масса служащихъ, въ большинствѣ состоящая изъ завзятыхъ полу-грамотныхъ крѣпостниковъ, не только не могла примириться съ выходомъ Ивенскихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но положительно противилась всякому акту, которымъ робкое, въ то время, волостное начальство заявляло о своей законной самостоятельности. «Приказчики» (нѣчто въ родѣ управляющихъ меньшаго ранга) положительно не признавали за освобожденными крестьянами права жить такъ, какъ имъ хотѣлось, а требовали, чтобы они жили такъ, какъ велять имъ они—приказчики. Нѣкоторое представление о заносчивости этихъ господъ—уже не говоря про отношенія ихъ къ крестьянамъ—въ сношеніяхъ съ новымъ волостнымъ управлениемъ даетъ официальный отзывъ

¹ Я прочелъ немало документовъ, относящихся до настоящаго события и находящихся въ волостныхъ правленіяхъ, куда поступили все дѣла бывшихъ «земскихъ управлений». Кроме того, мнѣ удалось разыскать кой-кого изъ очевидцевъ и кой-кого изъ лицъ потерпѣвшихъ. Такъ образовался главнѣйший материалъ нижеслѣдующаго описанія.

одного изъ приказчиковъ (Егвинского) Ф. Дружинина, написанный уже посль усмиренія волненія и послѣ того, какъ дѣйствія ихъ были въ некоторыхъ частяхъ признаны неправильными и покойной владѣлицей. Между прочимъ, онъ писалъ 12 сент. 1861 г. въ Егвинское волостное правленіе. «Поступивъ на службу въ с. Егвинское Прикащикомъ, я не ожидалъ вольнодумства скрытаго здѣсь, что вскорѣ разкрылось явно, и, я думаю извѣстно Начальство принявшему въ волости, болѣе того вынѣ волостному писарю. При открытии волости я замѣчаю, что крестьяне, можетъ быть отъ малаго образованія, безъ сомнѣнія говорю, что и отъ даннаго имъ направленія, совершенно отчуждены въ знаніи помѣщичьяго Управлениія; вслѣдствіе чего опредѣленный отъ помѣщика прикащикъ не знаетъ, къ кому онъ долженъ обращаться съ законными требованіями, ибо объ избранныхъ Сельскихъ Старостахъ мнѣ не дано знать и, вѣроятно, Волостное Правленіе не считаетъ это нужнымъ; я же состоя въ обязанности знать Сельскихъ Старость, нахожусь надо помнить на основаніи положенія Главы 6, § 148, 149 и 150 Волостному Правленію прошу объявить мнѣ имена избранныхъ старостъ, съ показаніемъ въ какихъ деревняхъ они живутъ. а вмѣстѣ съ тѣмъ не угодно-ли будетъ имъ приказать явиться ко мнѣ для объявленія имъ, ихъ обязанностей къ Помѣщику, но если имъ будетъ трудно меня извѣстить, въ какіе дни и часы собираются Старости въ Волостное Правленіе, потому какъ прежній порядокъ явки, въ ожиданіи исправности, уже Волостнымъ Правленіемъ измѣненъ. О распоряженіи Волостнаго Правленія ожидаю на семь же увѣдомленія».

Вмѣсто того, чтобы ничѣмъ не раздражать сельское населеніе, помѣщичье управление, не желая тратить ни одной копѣйки болѣе противъ того, что тратилось при прежнихъ крѣпостническихъ условіяхъ, заставило сельское начальство собрать сельские сходы для найма рабочихъ на сплавку весеннаго «усолскаго» каравана. Крестьяне, исключительно существовавшіе на разныхъ работахъ у гр. Строгановой, тотчасъ же собрались на сходы и готовы были подрядиться. Приказчикъ Купрасской волости, вмѣсто того, чтобы предложить сходу наняться на работы, вмѣсто того, чтобы спросить уже некрѣпостныхъ крестьянъ о платѣ за добровольные труды, объявилъ прибывшимъ на сходъ крестьянамъ, что они обязаны къ явкѣ на караваный сплавъ по примѣру прежнихъ лѣтъ и съ платой за сплавъ по усмотрѣнію управления. Такого издѣвательства надъ своей, только что загоравшейся, свободой крестьяне не стерпѣли.

Вотъ что произошло на другой день въ Архангельской волости, отстоящей въ 35 в. отъ Купрасской. Спустя двѣ или три недѣли по объявлensi воли — рассказывалъ мнѣ очевидецъ событія — согласно распоряженію управляющаго Инвенскимъ округомъ, къ намъ пріѣхалъ членъ правленія Дм. Н. Медвѣдевъ.

Это былъ хороший человѣкъ и мужики любили его. На 10 марта, по просьбѣ его, у насть въ селѣ былъ назначенъ сходъ. Сходъ собрался большой. Прибывшій на сходъ Медвѣдевъ заявилъ сходу: не желаетъ ли кто записаться на караванныя работы на прежнихъ основаніяхъ. Крестьяне начали волноваться и вышли изъ зданія волостного правленія, намѣреваясь разойтись по домамъ и тѣмъ выразить свое несогласіе на подчиненіе себя условіямъ, существовавшимъ при крѣпостномъ правѣ. Стоило Медвѣдеву только спросить: «какова же ваша цѣна, братцы?» и никакого волненія не возникло бы, тѣмъ болѣе, что и цѣну-то крестьяне запросили бы едвали большую. Но управление не спрашивало, а требовало записи только на прежнихъ условіяхъ.

На бѣду архангельцевъ, къ зданію ихъ волостного правленія подѣхалъ богатый купрорскій крестьянинъ Ф. А. Мингалевъ, который сообщилъ крестьянамъ, что у нихъ, купрорцевъ, вчера панимали на караванъ, но что они не только не пошли, а даже поколотили приказчика, и что и они, архангельцы, будутъ умны, если послѣдуютъ примѣру купрорцевъ. Искра попала въ пороховую бочку. Крестьяне тотчасъ же стали заходить въ волостное правленіе и говорить возбужденно. Кто-то изъ доброжелателей Медвѣдева посовѣтывалъ ему уйти и тотъ, вмѣстѣ съ приказчикомъ, успѣлъ ульзнутъ въ окно; пищикъ же И. З. Лунеговъ не успѣлъ воспользоваться такимъ благимъ совѣтомъ. Крестьяне поймали его за волосы, смяли подъ себя и учинили падъ нимъ экзекуцію. Озвѣрѣвшій народъ бросился догонять какъ-то вырвавшагося отъ толпы Лунегова; онъ успѣлъ добѣжать до своего дома, заперъ его и, схвативъ ружье, заявилъ крестьянамъ, что станетъ стрѣлять въ каждого, кто не послушается его и подойдетъ къ дверямъ. Между крестьянами нашлось нѣсколько благомыслящихъ, которые сказали: «стой, братцы, теперь онъ послѣ порки озвѣрѣлъ; пожалуй и стрѣлить!» Ихъ послушались. Тѣмъ не менѣе въ томъ же волостномъ были выдраны тѣ изъ крестьянъ, которые считались «заединщиками помѣщицы».

Не прошло и полусутокъ, какъ въ Егвѣ, въ Кудымкорѣ и дальше знали о всемъ, что произошло въ Купрорѣ и въ Архангельскѣ. «Какъ насть, царскихъ, опять подъ помѣщицу!.. всюду раздавалось изъ крестьянскихъ усть. Но и тутъ не опомнились управляющіе Инвенского округа. Чрезъ два дня тѣ же лица прибыли въ с. Егву для найма рабочихъ на караванъ не по ихъ волѣ, а по неволѣ. Эти лица попали какъ разъ туда, гдѣ сельчане, въ силу необъяснимыхъ причинъ, были наиболѣе озлоблены на помѣщичье управление. На Егвинскій сходъ собрались уже не одни егвинцы, но и крестьяне окрестныхъ волостей. Все предвѣщало грозу. Послѣ приказанія представителей управления идти на караванъ по прежнимъ основаніямъ сначала проявилось полное безмолвіе, а затѣмъ, вскорѣ кто-то изъ громадной толпы крикнулъ: «бей ихъ! Глухо

пронесся въ сосредоточенной толпѣ этотъ зловѣшій кличъ, и еще не успѣли вспо-
лошиться строгановскіе служащіе, какъ толпа надвинулась на нихъ... Произошло-
то, чего никакъ нельзя ни предвидѣть, чего, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже нельзя ничѣмъ
преподвратить и что, въ тоже время, представляетъ самое ужасное при народномъ воз-
мущеніи: стихія разыгралась!.. Что именно произошло въ Егвѣ, этого мнѣ,
несмотря на мои распросы, такъ и не удалось точно узнать. Оно и немудрено.
Это было нѣчто стихійное. Обезумѣвшіе и очесточившіеся крестьяне «топтали»
своихъ противниковъ ногами. Было немало раненыхъ; у одного изъ строганов-
скихъ служащихъ оказалось содранной кожа почти со всей головы. Встрѣченное
такимъ протестомъ крестьянъ приглашеніе идти на караванныя работы управлениемъ
гр. Строгановой было принято за возмущеніе противъ нея. Эти крестьянскія волне-
нія стали известны подъ излишне громкимъ названіемъ «караванного бунта». Но
сама графиня ни о нихъ, ни о способахъ ихъ усмиренія ничего не зпала, а какъ
только узнала, приняла сторону крестьянъ. Нѣть ни одного документа, свидѣтель-
ствующаго о томъ, что мѣстная администрація присутствовала на мѣстѣ происшествія
и заранѣе предотвращала возможность какихъ-либо усложненій. Все ограничились
одною перепискою.

Въ тоже время у инвенскихъ крестьянъ происходили уже болѣе круп-
ные событія. Управлениe грозило:—по нашему будетъ.—Мы чарскіе! кричали
крестьяне, не пойдемъ не по волѣ.—Издѣявшимся ранѣе надъ сельчанами
приказчикамъ и всѣмъ, кѣмъ тѣ были недовольны, житъя не стало: ихъ били
и ругали, а особенно сѣкли. Перепадало даже ямщикамъ, когда они собира-
лись везти управителей или какія-либо «грамоты» въ г. Пермь. Центральное
управлениe въ то время было сосредоточено въ с. Кудымкорѣ. За разъяснен-
іемъ тревожныхъ вопросовъ и пошли туда крестьяне. Огромная кудымкорская
площадь быстро была запружена народомъ. «Дай манифестъ, читай грамоту!»
кричала собравшаяся толпа. Власти уступали ей и читали манифестъ. Чтеніе
его сопровождалось криками «ура», но какъ только читающій доходилъ до
словъ «временно-обязанные», такъ тотчасъ же въ отвѣтъ ему неслось: «нѣть,
врешь, мы—чарскіе!» Слово «чарскіе» было роковымъ: при произнесеніи его
народъ шалѣлъ. Духовенство выходило съ иконами на площадь и служило
молебны. Изъ среды грамотьевъ толпой было выбрано нѣсколько почетнѣйшихъ,
которыхъ посадили на оградѣ мѣстной церкви. Обязанность ихъ заключалась
въ безпрерывномъ чтеніи манифеста, причемъ они, во избѣженіе неудовольствія
со стороны слушателей, слова «временно-обязанные» пропускали. Чтеніе
грамоты сопровождалось громкимъ «ура» и крикомъ: «мы—чарскіе!» Слухъ
объ искаженіи манифеста пропускомъ цитированныхъ словъ дошелъ до графскаго
управления, и вотъ, подъ давленіемъ его, приставъ Юдинъ (человѣкъ, по сло-
вамъ очевидцевъ, вообще добрый) задумалъ прочесть полный манифестъ. Едва

кончилось чтеніе, какъ, многолюдная толпа, закричала: «бей его!» Только стѣны кряхнули, — такъ наперла толпа на крѣпкій заборъ. Точно вихрь пронесся надъ этимъ мѣстомъ и отъ забора ничего не осталось. Приставъ успѣлъ спастись. Нарядившись въ рясу священника, онъ незамѣтно прошелъ изъ дома среди той толпы, которая такъ гиѣвно и страстно требовала битья его.

Кстати о рясѣ. Ей одной обязано большинство Строгановскихъ служащихъ тѣмъ, что избавились отъ немалыхъ бѣдъ. Въ Егвѣ, Юсьвѣ, въ Кудымкорѣ и въ др. мѣстахъ приказчики и ихъ присные спасались, какъ это теперь всѣмъ известно, лишь благодаря тому, что они свой костюмъ замѣнили одеждой духовенства. Къ этому послѣднему народъ въ то время относился благосклонно. «Тоже на волю вышли!» такъ говорили крестьяне про священниковъ. Если припомнить зависимость духовенства отъ помѣщика, это пермяцкое размышленіе глубоко правдиво. Когда въ с. Егвѣ происходило волненіе крестьянъ, мѣстный священникъ задумалъ было къ нимъ выйти съ крестомъ для возстановленія порядка. «Домой, домой, убьемъ!.. ревѣли волновавшіеся. Къ счастью, онъ уступилъ угрозамъ толпы и тѣмъ далъ возможность, впослѣдствіи, многимъ спастись въ іерейской одеждѣ отъ народной ярости.

Отовсюду въ с. Кудымкорѣ стали стекаться домохозяева, чтобы спасти себя отъ произвола Строгановскихъ управителей. Изъ завода Кувы (почти русскаго) управляющимъ были вытребованы вооруженные люди для защиты какъ сго, такъ и имущества управления. Всѣ служащіе въ немъ скрылись въ каменномъ домѣ управления. Всѣмъ имъ приходилось жить впроголодь, если изъ дома не доставляли обѣда, а доставлять его было не безопасно. Среди собравшихся крестьянъ появлялись люди, понимавшіе ненормальность положенія и совѣтовавшіе толпѣ бросить всякія затѣи и просить о признаніи своихъ правъ по новому закону (напр., В. П. Вилесовъ), но такимъ советникамъ приходилось плохо отъ взбѣсившейся толпы: они должны были убѣгать подъ охрану Строгановскихъ піщалей. Были и такие увѣщатели, которые, признавая требование Строгановскихъ приказчиковъ незаконными, убѣждали крестьянъ не поднимать волненія, а лишь нравственною силою, т. е. личнымъ неповиновеніемъ не исполнять произвольныхъ требованій крѣпостническихъ заправиль (напр., М. П. Вилесовъ). Послѣднімъ попало нѣсколько позднѣе, по усмирѣніи волненія: такихъ ссылали путемъ административнымъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ произошелъ первый взрывъ негодованія крестьянъ на крѣпостнический произволъ алчныхъ приказчиковъ добрѣйшей графини — владѣлицы. Въ сущности, ничего незначащіе отдельные факты такъ быстро выросли въ грозное событие, что для подавленія крестьянскаго волненія уже не хватало мѣстныхъ наличныхъ силъ. Между тѣмъ, изъ Перми никто не прѣѣжалъ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Пермская адми-

нистрація, получивъ увѣдомленіе о крестьянскихъ беспорядкахъ въ Иловенскомъ краѣ, отправила за 200 в. для усмиренія волновавшихся роту иѣстнаго гарнизона и, вслѣдъ за нею, въ самомъ непродолжительномъ времени, двѣ сотни казаковъ, донесши о происшедшемъ высшему начальству. Послѣднее, съ своей стороны, туда же послало флигель-адютанта, кн. Багратіона. Войска взошли прежде всего въ с. Кудымкоръ для спасенія блокированного управлѣнія. Вирочемъ, всѣ служащіе въ немъ были цѣлы, и лишь никто изъ нихъ не смѣлъ показываться изъ дома. Затѣмъ, военный отрядъ отправился для усмиренія волновавшихся крестьянъ въ с. Егву.

Егвансіе крестьяне простодушно привѣтствовали солдатъ, мирно любовались на ихъ до сихъ поръ не виданные здѣсь мундиры и на ихъ мѣрную ходьбу. Отрядъ пришелъ поздно, вечеромъ, но распоряженіе о томъ, что егвинцамъ надо собраться на другой день на церковную площадь рано, утромъ, успѣло распространиться слишкомъ скоро, и утро озарило площадь, усѣянную народомъ. Изъ крестьянъ окрестныхъ волостей здѣсь были всѣ, кто только могъ попасть пѣшимъ. Они ждали и жаждали услыхать отъ царевыхъ слугъ истинный манифестъ, признающій ихъ, какъ и солдатъ, не временно-обязанными, а «царскими»; всѣ жаждали посмотреть на еще никогда не виданныхъ въ этой мѣстности царскихъ слугъ. Раннее весеннее утро было прекрасно. Тишина царила полнѣйшая. Вотъ послышался тяжелый шагъ военныхъ, а черезъ нѣсколько минутъ они пришли на площадь. Мы—разсказываетъ очевидецъ событий—тоже стоимъ не подалеку. Вотъ вышелъ одинъ изъ приказчиковъ и читаетъ манифестъ. Мы шапки сняли. Вотъ, думаемъ, настоящій-то привезли, только вдругъ слышимъ за мѣсто «царскіе», читаютъ: «временно-обязанные». Ну, мы, значитъ, и закричали: «царскіе, царскіе, не котимъ подъ помѣщика!» Въ тѣ поры вышелъ ахвичерь и что-то гаркнулъ. Сейчасъ это барабанщики заиграли. Никогда мы этой музыки допрежь того не слыхали и давай подходить поближе—всякому послушать хотѣлось. Поиграли на барабанахъ, ахвичерь опять что-то гаркнулъ, опять заиграли на барабанахъ, мы еще поближе подвинулись. Снова остановилась музыка, а потомъ она заиграла въ третій разъ. Вышелъ опять начальникъ и что-то крикнулъ солдатамъ. Вотъ четверо изъ нихъ вышли впередъ и стрѣльнули въ насъ, да только стрѣляли-то нарочно кверху, чтобы кого не задѣть. Видимъ мы, что насъ только попутжать пришли и кричимъ: «царскіе, не котимъ подъ помѣщика!» А солдаты да какъ стрѣльнуть снова, такъ мы тутъ ужъ видимъ, что дѣло-то плохо—троихъ сразу на мѣстѣ положили, да кой-кто еще благимъ матомъ закричалъ: «батюшки, убили, батюшки, убили!» Давайка мы тогда бѣжать.

Вотъ какъ передаетъ одинъ изъ потерпѣвшихъ о подавленіи крестьянскаго волненія военной силой. Очевидно, несчастная стрѣльба была вызвана тѣмъ, что

пермяцкіе крестьяне не поняли, что продѣливали солдаты, такъ какъ всѣ команды и оклики офицера были произнесены по-русски, а не по-пермяцки. Желаніе крестьянъ послушать военную музыку обошлось имъ недешево! Убиты были трое и оказалось нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Даже первые выстрѣлы чуть было не натворили бѣды, такъ какъ одна изъ пущенныхъ вверхъ пуль залетѣла на кладбище, гдѣ въ это время отпѣвали покойника и пробила подрясникъ у діакона. Залпъ, данный солдатами, отрезвилъ народъ. Даже завзятые крикуны засѣли въ домахъ.

Но это смиреніе волновавшихся крестьянъ уже не спасло ихъ отъ тяжелой расправы. Пріѣхали казаки, прибыль кн. Багратіонъ и начался судъ «о сопротивлѣніи воинской командѣ». Плети и казачьи нагайки засвистѣли въ воздухъ... Приставъ, какъ-то пріѣхавъ въ Егву уже по осени, высѣкъ болѣе 30 человѣкъ, причемъ даваль по 60—150 розогъ на человѣка. Нѣсколькихъ крикуновъ заковали въ кандалы и сослали въ Сибирь. Казаки были разставлены по всѣмъ окрестнымъ селамъ и безпрестанно разѣзжали по нимъ, внося въ деревенскую жизнь трепетъ, развратъ и всякое безобразіе. Кн. Багратіонъ пробылъ здѣсь очень короткое время, лишь поговорилъ съ крестьянами на площадяхъ Кудымкора и Купроса и отбылъ. Памятникомъ пребыванія его здѣсь остается бумажка о томъ, гдѣ онъ обѣдалъ и на сколькихъ тройкахъ проѣзжалъ.

Казаки простояли у инвенскихъ крестьянъ долго—19 мѣсяцевъ и стопы имъ много денегъ. Конечно, самый военный постой обошелся бы гораздо дешевле, еслибы и тутъ не было проявлено великое хищничество какъ со стороны волостныхъ главарей, такъ и мелкихъ служащихъ въ Строгановскихъ имѣніяхъ. Изъ документовъ, относящихся къ дѣламъ о содержаніи здѣсь военного отряда, видно, что суточное довольствіе, кромѣ квартиръ, обходилось (40 лѣтъ тому назадъ!): каждого солдата въ 30—35 коп., офицера—въ 50 коп., а офицера, командовавшаго ротой—даже въ 1 р. 50 коп. Одно только Строгановское управление истратило и, затѣмъ, судебнымъ порядкомъ взыскало съ волновавшихся крестьянъ 10.686 р. 61 коп. Къ этому слѣдуетъ еще причислить сумму въ 1.422 р. 28 коп., истраченную Егвинской волостью, и не мало денегъ, истраченныхъ другими волостями. Въ общемъ итогѣ, вся денежная потеря крестьянъ волновавшихся мѣстностей Ивенья, навѣрное, исчисляется тысячъ въ 18. А потраченного напрасно работнаго времени и не счѣсть.

Для характеристики тогдашняго времени и нравовъ любопытно указать, куда и на что расходовались тѣ деньги, что потомъ были взысканы съ крестьянъ. «Выдано писарю А. Стародумову за приемъ суд. слѣдователя съ двумя писарями, 12 декабря, три р.». «Выдано сидѣльцу Могильникову за вино и рыбу 27 р. 9 к. Отдано повѣренному Ягубову за вино 25 р. На водку Кудымкорскимъ

казакамъ 24 к. На покупку 1 $\frac{1}{2}$ ведра вина для солдатъ 7 р. 50 к. Куплено для солдатъ вина изъ Егвинского питейного дома на 2 р. 40 к. На покупку вина для солдатъ 5 р. Сидѣльцу Могильникову за вино для солдатъ 9 руб. Вина куплено 1 $\frac{1}{2}$ ведра (за тоже количество въ первый разъ взято только 7 р. 50 к.). «Заплачено за приемъ г. пристава, письмоводителей, полицейского и казаковъ 20 р. пищику Богулкину». Этому же пищику выдано за содержаніе солдатъ: 4 июня 30 р.; 17 июня — 50 р.; 12 сентября — 35 р.; 28 сентября — 9 р. 20 к. Всего Богулкину уплачено: 144 р. 20 к. Другому пищику Соловьеву на тотъ же предметъ выдано 56 р. А всего только имъ двоимъ 200 р. Самымъ старшимъ и почетнымъ въ волости лицомъ въ то время былъ, конечно, приказчикъ; на его обязанности лежалъ приемъ почетныхъ гостей. Какъ видно изъ документовъ, онъ кормилъ своихъ невольныхъ гостей очень щедро. Вотъ его счеты.

9 мая приказчику на приемъ чиновниковъ выдано 40 р.; 15-ему же — 6 р. Приказчику Дружинину за солдатъ — 25 р.; 10-го мая приказчику Дружинину за цветочный чай — 4 р.; 17-го ему же на приемъ чиновниковъ — 10 р.; 23-го на приемъ чиновниковъ ему же — 5 р.; 24-го ему же на покупки для чиновниковъ — 8 р. 55 к.; 31-го ему же на приемъ чиновниковъ — 5 р. Июнь: 5-го ему же за солдатъ — 20 р.; 7-го ему же за чиновниковъ и солдатъ — 135 р.; еще шесть — 6 р. Июль: 23-го приказчику Ф. Дружинину по возвращеніи на лицо — 25 руб. Здѣсь кто-то сдѣлалъ приписку такого рода: «пойдуть къ содержанію войска». Августа 22-го съ записей приказчику Федору Дружинину къ возвращенію 27 р. 55 коп. Всего же получено Дружининымъ 313 р. 10 коп. Кроме уплаты этимъ главнымъ лицамъ за содержаніе войскъ, израсходовано за квартиры: 646 р. 54 к., каковыя деньги выданы крестьянамъ с. Егвинского. Въ общемъ, квартирное довольствіе войскъ обошлось свыше тысячи рублей. Причемъ къ этому еще надо добавить сумму въ 528 р. 70 коп., истраченную на покупку для солдатъ 44-хъ быковъ и коровъ.

Вся суть, весь смыслъ приведенныхъ здѣсь цифръ заключается въ томъ, что онъ относится лишь къ тѣмъ немногимъ солдатамъ, что жили въ одной Егвинской волости. Посмотримъ же, сколько ихъ было и долго ли они тутъ стояли. Въ Иванскомъ краѣ стояло отъ 8—20 чел. втечение 19 мѣсяцевъ. Всего на всѣго сначала прибыло для усмиренія двѣ сотни, но вскорѣ онъ были отзваны обратно. Если предположимъ, что на с. Егу втечение всѣхъ 19 мѣс. приходилась половина солдатъ — а ихъ было меныше — то окажется, что въ ней проживало только 10 чел. Слѣд. оказывается: на квартиру для нихъ — 10 тратилось свыше 50 р. въ годъ на человека; каждый изъ нихъ съѣлъ только однихъ быковъ по 4,4 штуки. Понятно, при такомъ количествѣ мяса потребовалось

и соотвѣтственное количество вина, а именно на каждого по 7 р. 60 к. Что касается чиновниковъ, то, такъ какъ ихъ было только трое-четверо, и пріѣзжали они на день, много на два, судя по счету расходовъ на нихъ, здѣсь цифры еще любопытнѣе. Какъ на самомъ дѣлѣ они могли вмѣстить въ себя то, что имъ подавалось угощавшими ихъ! Въ Кудымкорской волости, впрочемъ, сохранился счетъ (ниже приводится буквально) одного изъ приказчиковъ, Ив. Некипѣлова, который провѣрилъ офицеръ и снабдилъ своими замѣтками, очевидно, будучи немало возмущенъ наглостью грабителя-приказчика¹.

Еще также любопытный документъ того же приказчика: «Счетъ по приему разныхъ лицъ въ квартире Кудымкорского приказчика въ мартѣ, апрѣль и маѣ мѣсяцахъ 1861 года.

1. Отеческаго приказчика Кирпичева за 14 дней, по 60 коп. въ каждый—8 р. 40 к.

2. Офицеровъ, прибывшихъ изъ г. Перми съ военной командой: 1-го за 12 и 2-хъ за четверы сутки, всего за 20 сутокъ, по 1 р. 50 к.—30 р.

3. Соликамскаго Стряпчаго г. Руднева съ 8 апрѣля по 8 мая и съ 15 по 21 мая жъ, всего за 36 дней, по 1 р. 60 коп.—54 р. 60 к.

¹ Свѣдѣніе о количествѣ припасовъ закупленныхъ и употребленныхъ для содержанія офицеровъ съ 12 по 28 Апрѣля 1861 года:

	Руб.	Коп.	Замѣтки офицера:
Муки ржаной	5 п.	2	— получено и есть.
Крупчатки	2 п.	4	57 15 ф. на пасху солдатамъ
Говядины	2 п.	4	возвращено 22 фунт.
Свѣчъ сальныхъ	14 ф.	1	79 получ. 6 ф.
Масла: скоромнаго	14 ф,	2	80 получ. 8 ф. изъ нихъ 3 ф. на пасху солдатамъ.
» постнаго	4½	—	67½ получ. 1 фунт.
Просы	3 ф.	—	21 } получ.
Луку	1 реш.	—	20 } получена гнилая.
Капусты	1 в.	—	30 получ. 1½ ведра замерзавшей.
Картофели	3	—	27 получ. 1 фунтъ дряннаго и потому купленъ свой.
Чаю	2 ф.	3	43 получ. 15½ фунт.
Сахару	32 ф.	10	19 получены, — соленые.
Гусей для жаркова	2	—	73 30 штукъ получены, ос-
Яицъ	160	—	69 тальные солдатамъ.
Рыбы судачини	3 ф.	—	30 не было.
Рису	10 ф.	1	50 получ. 6½ фун.
Варенья банку въ 1 ф.	—	—	40 } я не знаю почему раз-
получ. ½ фун.	2 ф.	—	30 } рѣшенію покупалось все это.
Изюму	1 ф.	—	40 }
Миндalu	2 ш.	—	50 }
Татеревъ	—	—	16 }
Курица	1	—	15 }
Ноги скотские	2	—	25 }
Поросенокъ для холоднаго	1	—	84 получ. 12 ф.
Телятины	14 ф.	—	17 получ.
Свеклы	17 ш.	—	15 не было.
Почьки	—	—	25 }
Графинъ христальной	—	—	—

4. Письмоводителя его за 36 дней, по 1 р. 50 коп.—54 р.
5. Старшаго засѣдателя Соликамскаго земскаго суда г. Сизикова за 5 дней, по 1 р. 50 коп.—7 р. 50 коп.
6. Исправника Пейкера, приставовъ Юдина и Ромодина, козаковъ и разсыльныхъ (послѣднимъ, очевидно, тоже подавалась водка и проч.), во время производства втечение двухъ недѣль въ квартирѣ приказчика допросовъ отъ арестантовъ,—20 р.»

Слѣдуетъ замѣтить, что плата за полное мѣсячное содержаніе одного лица нынѣ, спустя 40 лѣтъ, въ нашихъ мѣстахъ не превышаетъ 10—11 р. Слѣд. сколько лишнихъ денегъ пришлось сельскому населенію заплатить за алчность помѣщичьихъ служекъ!

Въ указанныхъ счетахъ не помѣщены огромныя суммы денегъ, истраченныя на подводную повинность, на протори и убытки по содержанію военно-судной комиссіи, и деньги, взысканныя съ крестьянъ за содержаніе и отправку арестантовъ. Арестантовъ только изъ одной Егвинской волости было отправлено въ тюрьму (отъ 2—6 мѣсяцевъ) 35 чел.; изъ нихъ одинъ на полтора года. Ихъ немало доставили и другія волости. У крестьянъ много имущества, скотъ и почти всѣ деньги ушли въ уплату постоя и за судъ. А ушли казаки слѣдомъ за ними, въ добавокъ ко всему, ушли еще бабы и дѣвки.

Какъ только было замирено крестьянское волненіе, тотчасъ же, по распоряженію управлениа, стали записывать крестьянъ на караванъ. Однако, между усмиренными пермяками оказалось много такихъ, которые бѣжали и отъ свободы, и отъ своихъ домовъ, чтобы только быть подальше отъ каравана и караванныхъ работъ. Караванные приказчики и вся, ниже ихъ стоящая, челядь въ волю издѣвались надъ растерявшимися крестьянами. Сбѣжавшиe съ работъ явились въ Кудымкоръ къ управляющему, съ заявлениемъ о причинѣ ихъ побѣга. «Уйти наѣть вынудилъ — жаловались натерпѣвшіеся на работахъ крестьяне — караванный Орѣшниковъ неплатежомъ намъ харчевыхъ за простойные дни». Были и такие крестьяне, которыхъ уже сами владѣльцы, подыскавши къ тому времени новыхъ и болѣе дешевыхъ рабочихъ, несмотря на заключенное условіе, не приняли на работы, отговариваясь тѣмъ, что нашлись люди подешевле. Пришлось такимъ, исхарчившимъ свои послѣднія на дорогу деньги, бѣднякамъ возвращаться домой, питаясь Христовымъ именемъ. Караванные приказчики, совсѣмъ забывшиcь, потребовали было, чтобы волости, взамѣнъ самовольно ушедшихъ крестьянъ-рабочихъ, выслали новыхъ, хотя бы и незаподряженыхъ на караваны. Но такой произволъ приказчиковъ остановило само инвенское управление. Бумагой своей въ Юсьвинскую Земскую, отъ 6 мая 1861 г., оно дало знать: «Въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,

въ З пунктѣ 2 статьи воспрещена отдача крестьянъ и дворовыхъ людей владельцами постороннимъ лицамъ въ услуженіе или въ работы, потому Ивенское Правленіе не имѣть права избрать людей Ивенского Округа и отправить насильственно на караванъ. Поэтому изъ крестьянъ с. Юсьвинскаго избирать людей не нужно, а отправить только тѣхъ, которые обязались поступить на караванъ, согласно заключенного ими условія». Къ этому необходимо добавить, что еще до В. манифеста часть людей, какъ крѣпостныхъ, Строгановыми была отдана кн. Голицыну. Управление его имѣніями также требовало высылки силою крестьянъ на работы, причемъ требовало замѣнить не идущихъ крестьянъ первыми попавшимися изъ нихъ.

Послѣ умиротворенія ивенского края г. Гилевъ былъ разжалованъ изъ управляющихъ въ члены управлениія—случай въ имѣніяхъ Строгановыхъ рѣдкій, если не единственный.

Слѣдомъ за этимъ тяжелымъ для ивенскихъ крестьянъ годомъ пошелъ рядъ лѣтъ еще труднѣйшихъ—рядъ неурожаевъ. Между тѣмъ, натуральная повинности, переведенная на деньги, сразу подняли подати крестьянъ съ 2 р. 70 к. до 11 р. 52 к., причемъ имъ во взносѣ податей не давалось ни малѣйшаго послабленія... Вскорѣ, однако, послѣ замиренія волnenія крестьянъ честные и добрые люди изъ Строгановскихъ служащихъ, каковыхъ всегда бывало немало, поняли ошибки, допущенные при недавно возникшихъ недоразумѣніяхъ крестьянъ съ помѣщичьимъ управлениемъ, пришли на помощь этимъ крестьянамъ. Такъ, главноуправляющій пермскимъ имѣніемъ гр. Строгановой, П. С. Шаринъ, въ виду высокаго оброка крестьянъ, сложилъ своею личною властью по 1 р. 57^{1/2} коп. съ души, а также сложилъ со счетовъ и всю недопимку ихъ съ 1861 г. по 1 января 1867 года. Только благодаря такой огромной помощи Шарина, народъ пермяцкій сохранилъ свою жизнеспособность и могъ приняться за улучшеніе своего хозяйственнаго быта.

Вс. Яновичъ.

С. Юсьва,
Соликамск. уѣзда.